Малаков, А.

Великая русская революция и роль в ней коммунистов

Лондон,

НИЛ — Библиотека
ЦР
И 197

2 Кз

А. Малаховъ.

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ
И РОЛЬ ВЪ НЕЙ КОММУНИСТОВЪ.

ИЗДАНІЕ
Русскаго Книжнаго Магазина Н. Н. Макарова
въ Лондонѣ.

Исполнено „Славянскимъ Ивдательствомъ“ въ Прагѣ.

Ц.Р
М 197

А. МАЛАХОВЪ.

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

И РОЛЬ ВЪ НЕЙ КОММУНИСТОВЪ.

ИЗДАНІЕ
Русскаго Книжнаго Магазина въ Лондонѣ.

2-экз

ЦР
П 197
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)
(067
27)
1085354
453/36 @ 1.
22049

Исполнено
«Славянскимъ Издательствомъ» въ Прагѣ.
Типографія Neuber, Pour a spol., Praha 855-I.

2012

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Будемъ думать, что мы сейчасъ переживаемъ тяжелую обязанность возложенную на насъ исторіей, и будемъ надѣяться, что, когда Россія, переживетъ этотъ трудный періодъ, она выйдетъ изъ него несравненно умнѣе и образованнѣе, чѣмъ была до сихъ поръ.

Крапоткинъ.

Въ исторіи русскаго народа никогда еще не было такого великаго исхода изъ нашей необъятной, просторной страны въ тѣсную, густо населенную Западную Европу и Азію. Всюду въ мірѣ теперь слышится русская рѣчь, всюду вы можете читать русскія газеты, издаваемыя не въ Петроградѣ и Москвѣ, а въ Парижѣ, Нью-Іоркѣ, Берлинѣ, Прагѣ, Шанхаѣ и другихъ це трахъ.

Милліоны русскихъ были выброшены съ родины еще во время міровой войны и милліоны вновь бѣжали послѣ захвата власти въ Россіи горсткой коммунистовъ. Потокъ эмиграціи еще не законченъ.

Мы видимъ среди бѣженцевъ всѣ слои русскаго населенія. Совершается какой то большой, трудно поддающійся пониманію соціальный процессъ въ жизни русскаго народа. Онъ безусловно, будетъ имѣть громадное вліяніе на будущее Россіи. Соприкосновеніе этой массы съ народами Европы, съ ихъ культурой, не можетъ не отложить отпечатка на культурѣ самой Россіи, которая до сихъ поръ развивалась болѣе или менѣе самобытно и медленно.

Въ предыдущія революціи, какъ во Франціи, эмигрировали только образованные и обезпеченные классы. Теперь среди эмигрантовъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ крестьяне,

рабочіе, трудовая интеллигенція и красноармейцы, бѣжавшіе отъ ужасовъ Ленинскаго правительства.

Въ подавляющемъ большинствѣ вся эта масса бѣженцевъ при первой возможности послѣ паденія коммунистическаго правительства, вѣрнѣе, правительства Ленина и Троцкаго, потечетъ обратно въ Россію.

Но съ чѣмъ она явится туда? Что будетъ дѣлать для возрожденія Россіи, когда застанетъ свою страну разоренной и сплошь поѣденной коммунистической саранчей?

Эти вопросы не дискуссируются и не обсуждаются въ широкой массѣ бѣженцевъ. Даже больше: здѣсь находятся элементы, готовые единолично разрѣшить всѣ вопросы за всю Россію и за всѣхъ бѣженцевъ, напримѣръ, верховное правительство Врангеля и монархисты. Часъ паденія Ленина близокъ и Смутное Время надвигается, ибо, какъ само населеніе Россіи, такъ и большая часть эмигрантовъ будутъ продолжать борьбу съ реставраторами и послѣ паденія Ленина за полное свое раскрѣпощеніе.

Для объединенія эмигрантовъ дѣлается гораздо меньше, чѣмъ для ихъ разъединенія: за границу перенесены всѣ наши домашніе русскіе споры, совершенно не нужные не только для настоящей, но и для будущей Россіи. Бѣженцы воспитываются газетами разныхъ толковъ, объединенныхъ единственно ненавистью къ большевикамъ. Никакихъ положительныхъ лозунговъ и программъ для будущей общей дружной работы по возстановленію народной культуры и хозяйства не дается.

Всѣ забыли, что міромъ управляютъ идеи гораздо больше, чѣмъ это кажется, и великія идеи, выраженныя въ рѣшительной формѣ, всегда имѣютъ вліяніе на умы и объединяютъ массы. Надо уничтожить разнобой и классовые интересы подчинить волѣ народа.

Я думаю, что злоба и ненависть къ правительству Ленина, вызванныя его жестокимъ терроромъ и глупымъ доктринерствомъ, разрушеніемъ народнаго хозяйства, а отчасти и тѣми униженіями, которыя приходится намъ, русскимъ, теперь, благодаря разрухѣ въ нашей странѣ, переносить за границей, заслоняютъ передъ нами самое важное—исканіе выхода изъ тупика. Наши чувства не даютъ намъ сосредоточиться и внимательно изучить тѣ процессы, которые въ настоящее время происходятъ въ Россіи, а между тѣмъ, только осознавъ, что

тамъ дѣлается, можно будетъ помочь нашему народу выбраться изъ коммунистической кабалы и избавиться отъ Ленина. Чувству гнѣва надо положить конецъ и безпристрастно начать разрѣшать проблему будущаго.

Издалека быть можетъ ускользнутъ детали, но общія очертанія вырисовываются рельефнѣе и перспектива виднѣе. Спокойная обстановка, разстояніе и время смягчающее остроту чувствъ, позволяютъ намъ быть болѣе объективными, чѣмъ тѣмъ, которые не могли бѣжать изъ комиссарскаго рая, гдѣ всѣ, каждую минуту въ тревогѣ и смятеніи, сгораютъ, бьются въ безъисходной нуждѣ, и безпросвѣтной мукѣ. Вѣдь непосредственно передъ нашими глазами нѣтъ умирающихъ въ конвульсіяхъ отъ истощенія дѣтей и женщинъ, мы не слышимъ выстрѣловъ по поставленнымъ къ стѣнкамъ и по убиваемымъ „изъ гуманности“ въ затылокъ. До насъ не доносятся стоны и слезы изъ тюремъ и чрезвычайныхъ застѣнковъ и вопли и скорбь покинутыхъ нами дѣтей и близкихъ. Тамъ, въ Россіи, повседневное звѣриное житье, заботы о хлѣбѣ и о теплѣ въ большей степени парализуютъ творческую работу и затмѣваютъ перспективу будущаго. Нашей очередной задачей должно быть взвѣсить происходящее и отыскать выходъ изъ создавшагося тупика. Поэтому всѣ тѣ, кому дорога Родина, должны направить свой умъ на эту работу. Понять — значитъ сдѣлать половину дѣла. Давайте искать разрѣшенія вопроса въ исторіи и наукѣ и, главнымъ образомъ, въ изученіи происходящаго въ настоящее время процесса и въ правильныхъ изъ него выводахъ не только для прогноза болѣзни, но и для ея уврачеванія.

Передъ нами открывается необозримое поле дѣятельности и мы должны встрѣтить событія съ готовыми зажженными свѣтильниками.

То, что сейчасъ Россія переживаетъ, думный дьякъ Иванъ Тимофеевъ еще въ 17-мъ столѣтіи представлялъ себѣ въ образѣ беззащитной вдовы, осиротѣлый домъ которой расхищается забывшей холопій страхъ дворней покойнаго хозяина. Тогда хозяиномъ считали царя, а холопами бояръ — теперь мы считаемъ хозяиномъ весь народъ, а холопами коммунистовъ.

Наша теперешняя революція и Смутное Время имѣютъ много общаго. Боярство и коммунизмъ — съ государственной

точки зрѣнія категоріи одного вида. Въ 16-мъ столѣтіи служилое сословіе добивалось въ государствѣ того самаго положенія, котораго теперь добивается народъ отъ привиллегированныхъ коммунистовъ.

Раньше сыръ-боръ разгорѣлся потому, что бояре хотѣли во что бы то ни стало сохранить свое положеніе. Они думали, что ихъ положенію ничто не угрожаетъ, что „правительства съ нихъ не снимутъ и худородными людьми ихъ не обезчестятъ, съ такими людьми не поравняютъ". Теперь дѣло немного сложнѣе. Привиллегированные коммунисты не хотятъ уступить свои права и понять, что на всемъ протяженіи русской исторіи красной нитью проходитъ стремленіе народныхъ массъ къ политическому равноправію и къ уничтоженію привиллегій и сословій. Кромѣ того, въ Россіи у коммунистовъ имѣются конкурренты—безчисленный кадръ бывшихъ помѣщиковъ, бывшей бюрократіи, статской и военной, который также хочетъ быть привиллегированнымъ классомъ, имѣть власть въ своихъ рукахъ, не считаясь, какъ и коммунисты, съ народною волей. Въ сущности же ни тѣ, ни другіе для русскаго народа въ качествѣ руководителей не нужны и вредны.

Надо устранить навсегда соціальную и политическую неправду, вызывающую время отъ времени возмущеніе народныхъ массъ, и кончающуюся революціей.

Возврата къ старому не должно быть, особенно у насъ, которые были живыми свидѣтелями народныхъ страданій. Вернуть старое — значитъ сознательно начать подготовку новой революціи. Обанкротившіеся коммунисты будутъ всемѣрно содѣйствовать реставраціи. Ленинъ постепенно превращается въ монарха, правда, болѣе уродливаго, и болѣе аморальнаго, чѣмъ монархи XIX-го столѣтія. Онъ обрастаетъ новой, болѣе хищной, чѣмъ старая, аристократіей, бюрократіей и плутократіей, имѣетъ наемную охрану, своихъ лейбъ-гусаровъ — чрезвычайку, но у него нѣтъ вѣрноподданныхъ, нѣтъ авторитета и нѣтъ поддержки со стороны народной массы. Онъ окруженъ всеобщей злобой и ненавистью и держится исключительно опираясь на штыки и придворную камарилью. Новая революція не за горами, возмущенія идутъ непрерывно.

Стремленіе генераловъ, приверженцевъ стараго строя, посадить на мѣсто Ленина, у котораго исчезаетъ изъ подъ ногъ почва, кого-нибудъ изъ представителей только что сверженной

династіи, или новаго Наполеона, столь же нецѣлесообразно, какъ и поддерживать монарха отъ коммунизма. Монархи порождаютъ революцію, а революція порождаетъ еще болѣе безсмысленныхъ властолюбивыхъ и жестокихъ диктаторовъ. Съ насъ довольно двухъ революцій. Вѣдь четыре года коммунистической диктатуры стоятъ Россіи слишкомъ дорого, чтобы такую роскошь позволять себѣ, хотя бы только одинъ разъ въ столѣтіе.

Мы стоимъ въ настоящій моментъ какъ разъ на рубежѣ, когда коммунистическая власть начинаетъ сваливаться со своей вершины.

Она можетъ покатиться въ любомъ направленіи, все будетъ зависѣть отъ того, съ которой стороны толчокъ къ этому будетъ произведенъ.

Россія не выдержитъ безконечныхъ жестокостей и безпардоннаго деспотизма. Династія Грознаго погублена имъ самимъ также жестокостью. Князь Курбскій, первый русскій политическій эмигрантъ, предсказалъ Грозному его паденіе въ 1579 году такими словами: „Горе грабящимъ и кровь проливающимъ, и милости и суда не имущимъ во властѣхъ своихъ, за неже день отмщенія близокъ есть...“

Не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что Ленина ждетъ судьба Робеспьера. Вѣдь правительство Ленина болѣе безчеловѣчно, чѣмъ правительство Грознаго, его терроръ во много разъ превосходитъ терроръ Робеспьера.

Теперь Россіи угрожаетъ уже не Ленинъ, онъ слишкомъ слабъ.

Россіи угрожаютъ претенденты на власть со стороны привиллегированныхъ классовъ. Имъ помогутъ наши обычные интеллигентскіе споры и разногласія. Въ случаѣ захвата власти Врангелями и Деникиными, Россію ждетъ долгій періодъ новаго Смутнаго Времени и расчлененіе Россіи на мелкія составныя части. Единственнымъ выходомъ изъ тупика является организація демократическихъ и общественныхъ силъ страны. Къ этой организаціи и объединенію необходимо теперь такъ или иначе подойти, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ смутъ. Особенно необходимо для насъ, русской трудовой интеллигенціи заграницей, которая должна будетъ принять участіе въ возрожденіи страны, имѣть немедленно единую общую программу дѣйствія, совпадающую съ чаяніями нашей ослабленн-

ной и безправной народной массы, изнывающей тамъ дома на родинѣ, подъ игомъ коммунизма.

Конечно, и теперь у народа достаточно пороху въ пороховницахъ, чтобы взорвать коммунистовъ, и это онъ сдѣлаетъ самъ, безъ нашей помощи и содѣйствія. Наша главная задача, мнѣ кажется, состоитъ не въ томъ, чтобы такъ или иначе взрывать отсюда, изъ за границы, большевиковъ, а въ томъ, чтобы возможно скорѣе залѣчить раны, возродить культуру и народное хозяйство, чтобы въ XX-мъ вѣкѣ русскіе люди не умирали съ голоду, чтобы не убивались, какъ скотъ, и чтобы они больше не дѣлились на бѣлую и черную кость.

Со своей стороны я дѣлаю попытку анализировать прошедшее послѣ революціи 17-го года. Но силами одного человѣка ни правильный анализъ, ни правильный синтезъ сдѣлать невозможно. Истина можетъ выясниться только, когда къ ней подойдутъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

„Въ эти великіе дни изъ самыхъ волненій и бунта исходитъ столько мудраго вдохновенія, каждое возстаніе полно мысли". Время потраченное на изученіе не пропадетъ даромъ для нашей Родины.

Кромѣ того, двѣ оговорки: Во первыхъ, да простятъ мнѣ сторонники такъ называемаго научнаго экономическаго матеріализма, если я не буду выдвигать его на первый планъ. Отдавая должное экономическимъ факторамъ и не имѣя ввиду преуменьшить ихъ значеніе, я, тѣмъ не менѣе, принужденъ перенести вопросъ всецѣло въ психологическую плоскость, въ конечный результатъ экономическихъ, политическихъ, этнографическихъ, климатическихъ и множества другихъ факторовъ, включая сюда атавизмъ и инстинкты, воспринятые съ молокомъ матери, которые, по моему мнѣнію, реагируютъ на человѣческое существо въ совокупности. Психологія приведетъ насъ скорѣе къ опредѣленнымъ необходимымъ намъ выводамъ.

Во вторыхъ, я совершенно исключаю классовую мораль и, вообще, дѣлю людей только на двѣ категоріи: моральныхъ и аморальныхъ, узкоэгоистическихъ и пріемлющихъ, кромѣ своихъ, общественные интересы.

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И РОЛЬ ВЪ НЕЙ КОММУНИСТОВЪ.

„Каждые 120—125 лѣтъ въ Европѣ происходятъ революціонные перевороты," говорилъ покойный П. А. Крапоткинъ на собраніи уполномоченныхъ Дмитровскаго Союза Кооперативовъ.

Это правило надо примѣнить къ Россіи, иначе мы ничего не поймемъ изъ того, что творится сейчасъ у насъ, и намъ не поставить правильнаго прогноза для будущихъ этаповъ русскаго соціальнаго движенія.

Начать придется со Смутнаго Времени (1598—1613 гг.). Положеніе было такое же, какъ теперь, не лучше: „Голодъ, реквизиціи, крестьянскія возстанія, раззореніе помѣщичьихъ гнѣздъ, борьба классовъ, полная деморализація, экономическое разореніе и невыразимая скорбь лучшихъ людей: „Со всѣхъ сторонъ Московское Государство непріятели рвутъ, у всѣхъ окрестныхъ государей мы въ позоръ и укоризну стали," и мучительныя думы о томъ, какъ прекратить „качаніе міра", какъ устроить русское государство такъ, „чтобы все пришло въ достоинство". „Дѣти боярскіе и черные всякіе люди пришли къ Шуйскому съ крикомъ и воплемъ и говорятъ: до чего намъ досидѣть? Хлѣбъ дорогой, а промысловъ никакихъ нѣтъ и ничего взять негдѣ и купити нечѣмъ?"

Устанавливались таксы на хлѣбъ, скупщики отвѣтили саботажемъ и прекратили подвозъ въ Москву: „Въ прочихъ градахъ и селахъ закупленная ими рожь стала недвижима." Спекулятивныя цѣны повысились въ 24 раза.

Эта революція кончилась созывомъ въ Москвѣ лучшихъ выборныхъ людей, которые послѣ трехдневнаго поста и молитвы избрали на царство 16-лѣтняго мальчугана Мишу Романова (21 февр. 1613 г.).

Такъ началась новая сказка про бѣлаго бычка. Миша выросъ, вмѣстѣ съ нимъ росла и крѣпла твердая власть, вызвавшая новый кренъ государственнаго корабля. Ужъ при его сынѣ Алексѣѣ Михайловичѣ пороху накопилось достаточно для негодованія и взрыва народной массы.

Степанъ Разинъ, донской казакъ, съ 1668 по 1671 годъ былъ выплеснутъ недовольной народной массой на историческія подмостки для государственнаго переворота. Его программа заключалась въ короткомъ воззваніи народу, въ которомъ онъ говоритъ, что „идетъ истреблять бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, искоренять всякое чиноначаліе и власть, установить во всей Россіи казачество такъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ."

Революція не удалась, была задавлена, но корни не вырваны. Черезъ сто лѣтъ съ 1771 по 1775 народъ опять подъ предводительствомъ Емельяна Пугачева желаетъ „тряхнуть Москвою". Недовольства и гнѣва было много: крестьяне, приписанные еще Петромъ I къ горнымъ заводамъ, раскольники, казаки, инородцы, крѣпостные крестьяне возстали, жгли заводы, убивали помѣщиковъ, казнили офицеровъ. Въ самой Москвѣ были бунты и съ нетерпѣніемъ ждали Пугачева. И эта революція сорвалась. Правительство оказалось сильнѣе плохо организованнаго народа. Народъ притихъ и затаился на новые сто лѣтъ.

Эти возстанія были попытками трудового народа, крестьянъ, казаковъ, рабочаго люда, устроить свое, чисто мужицкое, вольно-казаческое государство. Правительство и народъ всегда были двумя враждебными силами въ государствѣ, изъ которыхъ первая стремилась поработить вторую, а вторая, въ свою очередь, стремилась освободиться отъ гнета и установить справедливыя, человѣческія взаимоотношенія. Правительство, по опредѣленію Льва Толстого, „собраніе насилующихъ другихъ", а государство есть „господство злыхъ".

По мѣрѣ захвата государственной властью въ свое вѣдѣніе контроля и распоряженія всей политической, общественной, народно-хозяйственной, соціальной и духовной жизни народа, разростались ея административно-бюрократическія учрежденія. Въ работу государственнаго механизма постепенно втягивалась огромная масса людей и деклассифицировалась.

Кадръ служилаго сословія не игралъ никакой роли въ предыдущихъ чисто народныхъ революціонныхъ движеніяхъ, онъ скорѣе былъ на сторонѣ правительства и вмѣстѣ съ послѣднимъ подавлялъ народныя возстанія.

Впервые къ революціонному движенію русская интеллигенція изъ представителей служилаго сословія открыто примкнула 14 Декабря 1825 года.

Это было движеніе обособленное отъ предыдущихъ попытокъ простого народа; оно отчасти было навѣяно Западомъ на цвѣтъ русской интеллигенціи во время похода нашихъ войскъ въ Парижъ и было отчасти продуктомъ уже проснувшагося къ тому времени сознанія своихъ правъ третьимъ сословіемъ. Такъ, или иначе, народныя массы не были вовлечены въ дѣйствіе и возстаніе было скоро ликвидировано. Въ результатѣ пять лучшихъ гражданъ было казнено, 116 сослано въ Сибирь на каторжныя работы, остальные отправлены добывать себѣ помилованіе покореніемъ Кавказа.

Революціонная работа дальше шла въ двухъ постепенно пересѣкающихся плоскостяхъ. Среди народа — въ деревнѣ, и среди рабочихъ — въ городахъ. Интеллигенція стремилась путемъ террора воздѣйствовать на правительство, рабочіе — стачками, студенты — демонстраціями и забастовками, крестьяне — возстаніями. Соединительнымъ мостомъ между городомъ и деревней служила самоотверженная русская молодежь. Служеніе народу съ 60-хъ годовъ было превращено въ священный культъ. Изъ него вытекло хожденіе лучшей части русской интеллигенціи въ народъ и сліяніе съ нимъ. Съ этого времени мы наблюдаемъ сплошную жертвенность со стороны интеллигенціи. Она терпѣливо переноситъ не только лишенія, непривычныя тяжелыя для нея условія жизни, но въ святомъ экстазѣ за народъ идетъ на каторгу, тюрьмы превращаетъ въ университеты, изъ которыхъ не мало вышло цѣнныхъ общественныхъ работниковъ. Изъ этихъ узницъ сами учителя выходили закаленными, пламенными апостолами революціи.

М. Бакунинъ былъ одинъ изъ первыхъ апостоловъ и пророковъ настоящей, 1917 года, русской революціи. Правда, онъ ждалъ ее раньше, чѣмъ она въ дѣйствительности началась, но онъ провидѣлъ ее яснѣе, чѣмъ видятъ теперь мно-

гіе изъ нашихъ современниковъ. Все, что ниже будетъ цитировано, написано почти 60 лѣтъ тому назадъ. Его любовь къ народу переходитъ въ обожествленіе. Его пророчества сбылись въ большей части, но программа остается все еще недосягаемымъ народнымъ идеаломъ. На рѣчахъ М. Бакунина придется остановиться немного подробнѣе, чтобы лучше понять нашу теперешнюю революцію.

„Времена приближаются, какъ говорятъ раскольники, освобожденія ждетъ теперь народъ отъ царя, и горе царю, горе дворянамъ, монополистамъ, офицерамъ, чиновникамъ, казеннымъ попамъ — всей казенной Россіи, если народу не дастся теперь полная свобода съ полнымъ обладаніемъ землей.“ (14 стр.)

„Старый императорскій міръ валится, съ нимъ вмѣстѣ валится вся казенная Россія: дворянство, чиновничество, казенная армія, кабакъ, острогъ и казенная церковь, или въ старомъ, николаевскомъ смыслѣ — народность, самодержавіе и православіе — всѣ эти выродки чудовищнаго сочетанія татарскаго варварства съ нѣмецкой политической наукой, обреченной на несомнѣнную и скорую гибель. Что же остается живымъ? — Живымъ остается русскій народъ“. (16 стр.)

„Намъ ждать придется недолго. А покамѣстъ пусть тѣшутъ себя теперь дворянскими конституціями, пусть поиграютъ немного въ игру парламентскую... Пусть перепутаютъ все въ этомъ и безъ того страшно запутанномъ морѣ оффиціальной немочи и безсмыслія, пусть окончательно собьютъ съ пути бѣдное петровское государство.“

„Пробужденіе близко и будетъ ужасно. Въ Россіи нѣтъ живыхъ сословій. Ни дворянство, ни купечество, ни духовенство, — всѣ выродки петровской системы, не въ силахъ жить своею жизнью. Есть только одинъ живой народъ. Въ немъ сила и будущность нашей родины. И такъ, да здравствуетъ крестьянская Россія.“ (25 стр.)

„Въ Россіи есть еще другая сила; не сословная, ибо она основана на отрицаніи всѣхъ сословныхъ различій, незримая, неслившаяся еще съ народомъ, живущая внѣ его, но только для него и страстно желающая полнаго съ нимъ соединенія. Эта сила есть общество всѣхъ людей живой мысли и доброй воли въ Россіи, соединенныхъ, безграничной любовью къ свободѣ, вѣрою въ русскій народъ...

Она состоитъ изъ безчисленнаго множества лицъ всѣхъ сословій... оторвавшихся отъ сословій и отъ всѣхъ признанныхъ привиллегій въ Россіи, готовыхъ отдать жизнь свою за будущее, живущихъ завтрашнимъ днемъ и, такъ сказать, на воздухѣ, бездомная, странствующая церковь свободы, разбросанная и за-границей, и въ цѣлой Россіи...

Живое слово — ихъ оружіе. У нихъ нѣтъ штыковъ, но есть слова, которыя стоятъ штыковъ. Онѣ порождаютъ дѣла и побуждаютъ народы". (26 стр.)

„Въ Русскомъ мірѣ останутся только два сословія: горожанъ и селянъ; даже не сословія, а только различія, и различія не окаменѣлыя, какъ въ Западной Европѣ, но переливающіяся другъ въ друга свободнымъ передвиженіемъ крестьянъ въ городское общество, а горожанъ въ сельскую общину". (30 стр.)

Какіе же идеалы, по мнѣнію Бакунина, надлежитъ осуществить русскому народу, кромѣ приведенныхъ выше: земли и воли и равенства сословій, и какими путями? Въ конституціонныя и полуконституціонныя мѣры онъ не вѣритъ, по его мнѣнію, это запутаетъ еще больше запутанное положеніе, „прибавитъ только безпорядка къ существующему безпорядку". Прежде всего надо „разгромить имперію народной силою; для этого нужна организація крѣпкой народной партіи, пропаганда, изданіе брошюръ и сочиненій и кружки по цѣлой Россіи, связанные воедино."

„Народу нужна свобода... Ему нужна и прежде всего вся свобода, безъизъятная и безконтрольная свобода движенія."

„Ему нужна полная и безграничная свобода вѣры и слова, свобода торговли и промысла..."

„Ему нужно самоуправленіе, устройство котораго, дай Богъ, чтобы произошло не по велѣнію диктатора, и не по рѣшенію парламента... но органически снизу вверхъ, черезъ вольное соглашеніе самостоятельныхъ обществъ въ одно цѣлое, начиная отъ общинъ — соціальной и политической единицы, краеугольнаго камня всего русскаго міра, до областного, государственнаго, пожалуй, до федеративнаго всеславянскаго управленія. Вотъ что, по моему мнѣнію, вполнѣ соотвѣтствуетъ сознательнымъ и безсознательнымъ желаніямъ народа." (31).

Въ эти цитаты взяты изъ книги „Русскимъ, Польскимъ

и Славянскимъ Землямъ", написанной Бакунинымъ въ Февралѣ 1862 года.

Бакунинъ былъ безусловно предтечею русской революціи и имѣлъ огромное вліяніе на направленіе революціонной мысли. Его программа осталась пока еще нетронутой и долго будетъ составлять предметъ достиженія русскаго народа, обуздываемаго то тѣмъ, то другимъ правительствомъ. Пока Бакунинъ послѣ русской тюрьмы и ссылки не осмотрѣлся на Западѣ, и не попалъ подъ вліяніе соціалъ-демократическаго интернаціонала, онъ съ удивительной проникновенностью и искренностью выявилъ свою чисто русскую революціонную душу. Черезъ 6 лѣтъ онъ сдѣлалъ небольшой сдвигъ отъ неоправдавшаго его надеждъ крестьянства (онъ умеръ въ 1876 г.) въ сторону рабочаго движенія. Изъ славянской орбиты онъ перелетѣлъ во Всесвѣтный Революціонный Союзъ Соціальной Демократіи, но онъ остался русскимъ и за свои партикулярныя стремленія въ 1872 году былъ исключенъ изъ Интернаціональнаго Союза. Вслѣдъ за нимъ, но въ значительно большей степени, сдѣлала скачекъ въ сторону марксизма русская интеллигенція, все время вливавшаяся въ кадры русскихъ революціонеровъ. Въ Россіи появился рабочій классъ, а на Западѣ точно опредѣлилась его идеологія. Въ рабочемъ увидѣли авангардъ революціи и для многихъ крестьянство, какъ революціонный классъ, пошло на смарку.

Для марксистовъ рабочій классъ становится единственной надеждой, краеугольнымъ камнемъ соціальной революціи. Такимъ образомъ, въ Россіи оказались уже не двѣ сходящіяся вмѣстѣ революціонныя партіи — народъ и интеллигенція, а нѣсколько параллельныхъ и порекрещивающихся.

Самой крупной и основной, хотя и самой неорганизованной силой было по-прежнему крестьянство. Выразителемъ его интересовъ являлись соціалисты-революціонеры, преемники народовольцевъ и народниковъ.

Крестьянство не политическая партія въ буквальномъ смыслѣ и этотъ колоссъ, какъ мы видѣли выше, раскачивается для политическихъ дѣяній не больше двухъ-трехъ разъ въ три столѣтія, но, разъ раскачнувшись, онъ производитъ основательную чистку накопившагося за столѣтія соціальнаго, экономическаго и политическаго мусора и не скоро опять при-

1085-354

Библиотека Института Ленина при Ц.К. В.К.П. (б.)

22049

ходитъ въ свое стаціонарное состояніе для накапливанія свѣжей энергіи для очередного историческаго размаха.

Второй силой былъ рабочій классъ, съ болѣе высокимъ революціоннымъ темпераментомъ и съ большей подвижностью для революціоннаго дѣйствія. Выразителями рабочаго класса была партія соціалъ-демократовъ.

Третью революціонную силу составляло служилое сословіе, объединявшееся съ буржуазіей и помѣщиками на защиту своихъ правъ противъ правительственнаго Молоха. Здѣсь было нѣсколько партій, включавшихъ въ свои нѣдра всѣхъ, кромѣ находящихся въ первыхъ двухъ партіяхъ и въ группахъ явно контръ-революціонныхъ, поддерживающихъ правительство. Къ этой силѣ также принадлежали люди либеральныхъ профессій, связанныхъ отчасти съ правительствомъ, и отчасти съ буржуазными классами. Главнымъ достиженіемъ этихъ элементовъ была полудемократическая конституція.

Изъ этихъ трехъ группъ каждая претендовала на власть, каждая могла взять и имѣла право взять ее въ свои руки. Но ни порознь, ни всѣ вмѣстѣ они не сумѣли этого сдѣлать. Случилось то, чего больше всего боялся Бакунинъ, и чего никто, даже самъ Ленинъ, не предвидѣлъ. Пришли люди со стороны, любящіе народъ, но и любящіе власть, и волки въ овечьей шкурѣ утвердились на оставленномъ самодержцемъ престолѣ.

На этомъ мы закончимъ разсмотрѣніе революціи въ ея историческомъ разрѣзѣ. Дальше будемъ считаться съ ней, какъ съ совершившимся фактомъ, эффектъ котораго былъ настолько силенъ, что милліоны русскихъ людей выплеснулъ изъ нѣдръ Россіи въ Западную Европу.

Взрывъ произошелъ въ концѣ Февраля 1917 года. Пророчества Бакунина сбылись. Ошибка вышла всего на нѣсколько десятковъ лѣтъ, вмѣсто конца XIX вѣка, буря разразилась въ началѣ XX-го, но относительно характера революціи его предсказаніе было правильно.

Соціологія и исторія не математика, и его ошибку надо считать ничтожной. Такъ какъ соціологія не наука, позвольте и мнѣ прибѣгать къ сравненіямъ и пользоваться описательнымъ методомъ.

Достоевскій устами Великаго Инквизитора исканіе справедливости и истины Человѣчествомъ описываетъ такъ:

„Но ищетъ человѣкъ преклониться передъ тѣмъ, что уже

безспорно, чтобы всѣ люди разомъ согласились на всеобщее преклоненіе... Изъ-за всеобщаго преклоненія они истребляли другъ друга мечемъ. Они создали боговъ и взывали другъ къ другу: „бросьте вашихъ боговъ и придите поклониться нашимъ, не то смерть вамъ и богамъ вашимъ.“

Вѣра въ бога революціи была единодушной у всего населенія Россіи за ничтожнымъ исключеніемъ правящей клики и немногихъ тѣхъ, чьи интересы правительство защищало. Сознаніе необходимости болѣе справедливаго порядка было уже у помѣщиковъ, дворянъ, фабрикантовъ и чиновниковъ, до городового включительно.

Крестьяне и рабочіе всегда представляютъ по своему соціальному положенію революціонную лейденскую банку, готовую разразиться при извѣстномъ насыщеніи въ подходящій историческій моментъ.

Что касается лучшей части служилаго сословія и людей, занятыхъ вольными профессіями, то ихъ думы, мысли, всегда были прикованы къ судьбамъ трудящагося народа. Для Бакунина, Герцена, Толстого народъ — Богъ, въ служеніи ему — смыслъ жизни. Многіе шли дальше, отдавали свою жизнь ради счастья трудящихся.

Вѣра въ революцію казалась единственнымъ средствомъ освобожденія и раскрѣпощенія отъ существующихъ золъ.

Къ сожалѣнію, единодушіе, съ которымъ ниспровергался самодержавный строй, исчерпалось тѣми кратковременными слезами восторга, тѣми немногими днями душевнаго спокойствія и торжества, пока не было борьбы за власть, или вѣрнѣе, пока не было никакой власти въ Россіи.

Массы, солидарныя наканунѣ съ ниспроверженіемъ старыхъ боговъ, на слѣдующій день, когда предъ ними встало будущее, раскололись. Общаго бога, которому бы всѣ поклонились, не оказалось; начались поиски, и объявились претенденты на власть, которые привели страну къ гражданской войнѣ и, вообще, къ войнамъ.

Революція долгожданная, желанная, связанная съ лучшими идеалами у разныхъ классовъ, группъ и отдѣльныхъ гражданъ, культивированная въ подпольѣ, тайно, благодаря отсутствію всѣхъ свободъ при царскомъ „прижимѣ“, застигла всѣхъ врасплохъ, не столковавшимися.

Открылось необъятное поприще для примѣненія силъ къ устройству болѣе счастливой и справедливой хозяйственной жизни на новыхъ основахъ.

„Пришли времена“, открылись пути, много путей, но у русскихъ богатырей Микулы Селяниновича, Алеши Поповича и Вольги Святославовича не оказалось единодушія. Они заспорили, по какой дорогѣ идти къ Жаръ-Птицѣ.

Революцію масса творила стихійно. Правительство, изжитое народомъ, сдалось почти безъ боя.

Пустое мѣсто, оставленное Николаемъ II и его министрами, оказалось предметомъ спора и спорта.

Преемственно его занимали Государственная Дума, общественныя организаціи. Изъ соціалистическихъ партій первыми пришли къ власти эсъ-эры и меньшевики.

Но никто изъ нихъ толкомъ не могъ понять, что пришла настоящая революція. Всѣмъ имъ хотѣлось видѣть въ такое страшное для Россіи время, какъ всемірная война, не революцію, а государственный переворотъ. Эти правительства были сметены бурлящей народной волной одно за другимъ, пока на гребнѣ не оказались позднѣе всѣхъ пришедшіе большевики-коммунисты, развернувшіе знамена съ лозунгомъ окончательнаго уничтоженія старыхъ боговъ и стараго государственнаго порядка. Революціонная масса пошла вмѣстѣ съ ними, вѣрнѣе, они пошли за массой, взявъ въ свои руки бразды правленія подъ видомъ „диктатуры пролетаріата.“

Крапоткинъ говоритъ, что „всякая диктатура есть смерть революціи.“ Съ момента установленія диктатуры Ленина революція кончена и началась опять новая сказка про бѣлаго бычка.

О природѣ диктатуры нѣтъ сомнѣній ни у Бакунина, ни у Герцена, ни у Толстого.

Первый говоритъ, что народная власть не можетъ существовать, если бы ее захватили интернаціоналисты-коммунисты, а будетъ „оффиціальная власть... источникъ сословности и сословій.“ Герценъ всякую власть опредѣлялъ „Чингисъ-Ханомъ съ телеграфами“, а Толстой—„собраніемъ людей, насилующихъ другихъ.“

Съ восшествіемъ на престолъ Ленина съ товарищами закончилась первая Великая Русская Революція, и если большевики дальше дѣйствовали ея именемъ, то это надо отнести

къ ихъ ловкости, которая не уступала ловкости ихъ предшественниковъ, въ подобныхъ случаяхъ пускавшихъ въ ходъ „самодержавіе, православіе и народность".

Для многихъ теперь стало ясно, что русская революція не была правительственнымъ переворотомъ, что это соціальная, болѣе глубокая всенародная революція, скачекъ впередъ къ тѣмъ идеаламъ, которые со временъ Стеньки Разина живутъ въ народѣ и освѣщаютъ ему, какъ маячные огни въ темную ночь, поступательное движеніе впередъ.

Послѣ окончанія революціи для правительства, которое осѣдлало народъ, вскочило на него верхомъ, первое дѣло — затянуть покрѣпче удила, осадить назадъ. А для народа, въ его поступательномъ ходѣ, по-прежнему однимъ изъ вожделѣній остается сбросить сѣдока при первомъ удобномъ случаѣ и продолжать исканіе новыхъ, болѣе справедливыхъ формъ соціальнаго бытія.

Экономика временно отходитъ на задній планъ, и на переднее боевое мѣсто выступаетъ психологія народныхъ массъ.

Въ русскомъ народѣ стремленіе къ справедливости, однородности, къ экономическому равенству не только въ богатствѣ, но и въ бѣдности, развито, какъ нигдѣ въ Европѣ.

Мнѣ приходилось наблюдать психологію трудовыхъ массъ во время разсчета за поставленные продукты.

Стремленіе получить одинаковую плату за продукты, за трудъ, у каждаго въ отдѣльности превалируетъ надъ желаніемъ получить больше, чѣмъ всѣ остальные.

Община, артель, послѣднее время кооперація, вообще, жизнь міромъ, общественныя запашки, разработки,— выработали исторически въ русскомъ крестьянинѣ чувство солидарности.

Разверстка сѣнокоса, пашни, податей, дорожныхъ повинностей и т. д. воспитала въ народѣ чувство справедливости, пріучила его за единицу общаго брать „ѣдока,"— „душу."

Въ русской литературѣ отъ славянофиловъ и западниковъ до нашихъ дней красной нитью проходитъ мысль, что русскій народъ— Мессія, свѣточъ міру, что въ немъ заложены сѣмена соціализма, стремленіе къ высшей морали и справедливости, порывы къ жертвенности и служенію идеѣ общечеловѣческаго равенства и братства.

Изъ этихъ источниковъ и надо, мнѣ кажется, исходить,

если мы хотимъ понять суть русской революціи и то, что теперь совершается въ Россіи.

Если положить въ основу нашей революціи марксизмъ, смотрѣть на нее, какъ на побѣду пролетаріата, какъ на слѣдствіе развитія классовыхъ интересовъ въ капиталистическомъ государствѣ, доведенныхъ до логическаго конца, то намъ многаго изъ происходящаго совершенно не понять.

Фабрично-заводская промышленность, банковская и торговая дѣятельность въ Россіи были развиты весьма слабо. „По даннымъ фабричной инспекціи на 1-ое Января 1917 года въ странѣ числилось 12.492 промышленныхъ предпріятія, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи. Въ нихъ насчитывалось всего 2.093.862 рабочихъ (100%), изъ нихъ мужчинъ 1.254.628 (60%) и женщинъ 839.234 (40%). Цифру подростковъ и малолѣтнихъ, къ сожалѣнію, приходится брать по статистикѣ 1916 года. Хотя для революціи они — невѣсомая величина, но въ настоящее время изъ нихъ вербуются не только красные офицеры, но и оплотъ коммунистическаго трона. Подростковъ въ это время было 242.000 и малолѣтнихъ 49.000.“(В. Макаровъ. „Извѣстія и Труды Центросоюза“ №№ 1 — 3).

Изъ этой массы по крайней мѣрѣ 1.500.000 были рабочіе съ мелкобуржуазной психологіей. Они имѣли дома и землю въ деревнѣ. Ихъ отличіе отъ крестьянъ, занимавшихся въ свободное время кустарными и отхожими промыслами, состоитъ только въ томъ, что они работаютъ на фабрикѣ и домой въ деревню появляются не каждый годъ. Но ихъ пуповина не отрѣзана отъ деревни; мы видимъ у коммунистическаго правительства недостатокъ въ рабочихъ, которыхъ имъ приходится принудительно мобилизовать въ деревнѣ и подъ конвоемъ отправлять обратно на фабрики. Изъ газетъ знаемъ также, какія мѣры принимаются русскимъ пролетаріатомъ, чтобы не попасть обратно на фабрику. „Пальцы рѣжутъ, зубы рвутъ, въ службу къ Ленину нейдутъ.“

Поэтому, чтобы понять русскую революцію, надо напередъ скинуть со счетовъ прежде всего пролетаріатъ, а затѣмъ коммунистовъ - большевиковъ, появившихся на сцену уже послѣ совершившагося факта, послѣ ниспроверженія самодержавія.

Ихъ роль въ революціи — роль кукушки, снесшей яйцо въ чужое гнѣздо, изъ котораго вылупилось „чудище обло, озорно и лаяй.“

Роль большевиковъ заключается въ томъ, что они первые изъ стервятниковъ поняли стремленія массъ, имитировались подъ народъ, въ подходящій моментъ окунулись въ революціонное теченіе и, плывя вмѣстѣ, взяли массу, что называется подъ самые зебры, крѣпко захватили государственный аппаратъ въ свои руки, и революцію превратили въ контръ-революцію.

Бакунинъ предвидѣлъ это и страшно опасался подобнаго захвата. Онъ писалъ слѣдующее:

„Между реакціоннымъ большинствомъ и немногочисленнымъ меньшинствомъ людей искренне и всецѣло преданныхъ дѣлу народнаго освобожденія, есть въ сословно-государственномъ мірѣ цѣлая категорія людей, довольно значительная не по своему количеству, а по тому вредному вліянію, которое она имѣла въ прошедшія времена на народныя массы, и которое, хотя и въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, становится иногда поперекъ дороги соціально-революціонному движенію. Къ этой категоріи принадлежатъ именно всѣ тѣ лица, которыя умственно и сердечно отдались съ большею, или меньшею откровенностью народному дѣлу...

Люди, принадлежащіе къ этой категоріи, вступая въ Интернаціональное Общество, могутъ сдѣлаться дѣйствительно опасными для него. Они, какъ истинные демагоги, стремятся уничтожить существующія государства только для того, чтобы создать новую форму государственности, т. е. владычества, если не въ пользу своихъ матеріальныхъ интересовъ, то непремѣнно ужъ въ пользу своего честолюбія, тщеславія, удовлетвореніе которыхъ, впрочемъ, имѣло бы непремѣнно результатомъ ихъ матеріальную выгоду. Они опасны потому, что могутъ увлечь народныя массы, потакая въ одно и тоже время опасной народной страсти и опасному народному предразсудку: страсти мщенія, заставляющей часто народъ искать, съ положительнымъ вредомъ для себя, удовлетворенія, освобожденія и спасенія въ повальномъ уничтоженіи лицъ, а не вещей и порядковъ, составляющихъ всю силу и производящихъ всю безнравственность лицъ государственно-сословнаго міра; и предразсудку, который, по несчастію, еще глубоко коренится въ народныхъ мас-

сахъ,—предубѣжденію въ пользу сильной государственной власти, разумѣется, ужъ не сословной, а народной: какъ будто оффиціальная власть можетъ когда-нибудь сдѣлаться дѣйствительно народной властью, и какъ будто она уже не есть сама по себѣ всенепремѣнный источникъ сословности и сословій." (45).

Русскую революцію надо разсматривать, какъ революцію, главнымъ образомъ, крестьянскую. Крестьянъ въ Россіи 80% всего населенія.

Это была революція духа, а не плоти, революція ниспроверженія насилія и угнетенія, революція мести угнетателямъ. Это бунтъ раба, осознавшаго въ себѣ человѣка, и не признающаго больше рабства. Долой цѣпи царя, губернатора, попа, ростовщика-банкира, торговца и фабриканта. Они столѣтіями гнѣли душу... и цѣпи разорваны съ трескомъ.

Положеніе рабочаго въ Европѣ и Америкѣ, рабочаго и крестьянина въ Россіи—несоизмѣримыя величины.

На Западѣ держатъ въ работѣ и эксплоатаціи тѣло, духъ же свободенъ, не закабаленъ и не приниженъ, какъ у насъ въ Россіи. Здѣсь есть богатые и бѣдные, эксплоататоры и эксплоатируемые, но нѣтъ рабовъ и рабовладѣльцевъ, нѣтъ хама и хамства и не приходится хамствовать. У насъ же духовное приниженіе крестьянина выражалось въ очень грубой формѣ, въ формѣ кабалы, унаслѣдованной отъ татарщины.

У кого только не былъ въ кабалѣ русскій крестьянинъ?

Ростовщикъ, торговецъ, скупщикъ, помѣщикъ, становой приставъ,—всѣ, несмотря на освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, продолжали держать крестьянина въ черномъ тѣлѣ, третировать его, какъ низшее существо. Помѣщикъ и скупщикъ, у которыхъ крестьянинъ въ большинствѣ былъ въ долгу, распоряжались имъ, какъ слугой, посылали его рубить дрова, убирать сѣно, пахать землю; приставъ гналъ на исповѣдь къ попу, не считаясь съ хозяйственными планами крестьянина, часто въ самую горячую для него самого пору. Мелкій торговецъ былъ князькомъ, татарскимъ бекомъ въ своемъ округѣ, а населеніе—его подданными. Даже у нѣкоторой части „интеллигенціи" сквозило къ мужику пренебрежительное отношеніе, какъ къ низшему существу. Бѣлая и черная кость въ государствѣ бросалась всѣмъ и каждому въ

глаза. Горечь къ высшимъ классамъ накапливалась изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Кооперація первая начала дѣятельную борьбу съ кабалой, за освобожденіе трудовыхъ крестьянскихъ массъ не только отъ торговаго, ростовщическаго и скупного капиталовъ, но и отъ униженія, которое влекла за собой связь населенія съ частнымъ капиталомъ. Человѣческое достоинство крестьянина заставляло хоть и дороже, но покупать въ своей потребилкѣ, платить 14%, но своему кредитному товариществу, и сдавать, хотя дешевле, но въ свою артель. Въ 1912 году Верхнесуландская артель оставила у себя смолу на годъ, только потому, что не хотѣла сдавать скупщику. Здѣсь была со стороны крестьянъ крупная жертва, и психологія пренебрегла экономикой и разсчетомъ.

Идея кооперації, захватившая широкія народныя массы, является также большимъ стремленіемъ къ освобожденію скованнаго духа, чѣмъ простой разсчетъ и экономическая выгода, особенно въ первый періодъ развитія кооперативнаго движенія.

Здѣсь была проявлена сплошная жертвенность, сплошное самоотреченіе; первыхъ піонеровъ не смущали убытки и неудачи, не смущалъ и неоплаченный тяжелый трудъ въ ущербъ своему личному хозяйству и семьѣ.

Цѣлью было—освобожденіе народной массы изъ зависимости отъ отдѣльныхъ лицъ, наградой за трудъ и лишенія—духовное удовлетвореніе, что сдѣланъ шагъ къ равенству и раскрѣпощенію.

На кооперативной нивѣ впервые началось дѣловое сближеніе и массовое хожденіе въ народъ, начатое съ 70-хъ годовъ и даже нѣкоторыми много раньше.

„Кооперативная дѣятельность, учрежденіе кооперативовъ, участіе въ нихъ—единственная дѣятельность, говоритъ Толстой, въ которой въ наше время можетъ участвовать нравственный, уважающій себя человѣкъ, не желающій быть участникомъ насилія.“

Среди рабочихъ параллельно шла организація профессіональнаго движенія, новая соціальная сила для защиты ихъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ.

Рабочій классъ и крестьянское населеніе созрѣли для революціи и съ нетерпѣніемъ ждали подходящаго момента. Вой-

на заронила такую искру, которая съ изумительной быстротой зажгла весь народъ во всей странѣ революціоннымъ огнемъ въ 2—3 дня.

Сѣрая крестьянская масса, одѣтая въ сѣрыя солдатскія шинели, понесла ее на своихъ плечахъ. Революціонный пылъ не могъ допустить эволюціи. Духъ гнѣва и мести вѣковымъ обидчикамъ разгорался подъ демагогическіе, истерическіе выкрики и улюлюканіе большевиковъ. Выплылъ на сцену Хамъ —палачъ, который рубилъ сплеча, не задумываясь, безъ разбору, подъ видомъ противниковъ правительства Ленина часто безкорыстно преданныя народу головы.

Ударили, не думая, стремительно, въ пылу и раздраженіи. А Ленинъ продолжалъ подливать масла въ огонь и разжигалъ страсти.

Русскій народъ не воспитанъ къ порядку въ дракѣ. Мы часто наблюдаемъ, какъ ни съ того, ни съ сего, неожиданно даже для обидчика, русскій обыватель закатываетъ другому въ носъ и въ ухо. Наши дѣти и дѣти англичанъ по характеру—полная противуположность. Я наблюдалъ схватку англійскихъ ребятишекъ на берегу Темзы въ Лондонѣ. Въ игрѣ 14-тилѣтній мальчикъ чѣмъ-то сильно обидѣлъ 10-тилѣтняго. У насъ малышъ вцѣпился бы зубами и ногтемъ въ болѣе сильнаго противника немедленно. Здѣсь. къ моему искреннему удивленію, карапузъ сначала снялъ курточку, потомъ засучилъ рукава и подошелъ на опредѣленную дистанцію къ противнику. Только послѣ выполненія всѣхъ формальностей началась драка.

Русская революція— это драка между классами, сведеніе личныхъ счетовъ съ обидчикомъ безъ излишнихъ формальностей, драка, въ которой попадаетъ и невинному третьему, случайно подвернувшемуся.

Для русской трудовой массы политика, управленіе государствомъ были чужды и мало интересны. Имъ не приходилось надъ этими вопросами задумываться, обсуждать ихъ и еще менѣе изучать. Государственная машина для простого народа — опредѣленное зло, которое мѣшаетъ жить. Самодержавіе держало народъ въ невѣжествѣ и на пушечный выстрѣлъ не подпускало къ управленію государствомъ.

Большевики создали, такъ какъ самъ народъ отказался дѣлать гадости, спеціальные государственные органы для раз-

стрѣловъ и экзекуцій неугодныхъ имъ людей и въ этомъ ихъ первое и самое большое преступленіе противъ трудящихся.

Случилось то, чего меньше всего опасался Герценъ. Онъ не допускалъ второй революціи по французскому образцу съ терроромъ.

„Кто бы ни былъ тотъ, кто поведетъ Россію по пути соціальнаго развитія, наше дѣло идти къ нему съ хлѣбомъ-солью... Развѣ французы мало доказали намъ, что за переводъ съ феодально монархическаго языка мѣстъ и чиновъ на римско-республиканскій,—не стоитъ пролитія не только крови, но и чернилъ... Терроръ легокъ и быстръ, гораздо легче труда; гнетъ — не паритъ, сломитъ — не тужитъ, освобождаетъ деспотизмомъ, убѣждаетъ гильотиной... Мы давно разлюбили обѣ чашки, полныя крови — военную и штатскую, и равно не хотимъ пить ни изъ черепа боевыхъ враговъ нашихъ, ни видѣть голову герцогини Ламбаль на пикѣ... Какая бы кровь ни текла, гдѣ нибудь текутъ слезы... И къ тому же и Май Смерти, какъ и Май Жизни, цвѣтетъ только одинъ разъ. Терроръ девяностыхъ годовъ повториться не можетъ. Онъ имѣлъ въ себѣ наивную чистоту невѣдѣнія, безусловную вѣру въ правоту и успѣхъ, которыхъ послѣдующіе терроры не могутъ имѣть. И при всемъ этомъ терроръ нанесъ революціи страшный ударъ.“

Увы, въ отношеніи террора французская революція оказалась щенкомъ противъ русской.

Падаетъ ли кровь, пролитая коммунистами, на рабочихъ и крестьянъ? Нѣтъ, кровь, какъ мы увидимъ ниже, только на рукахъ и совѣсти коммунистовъ, Ленина съ товарищами. Соединеніе рабочихъ и крестьянъ съ коммунистами механическое и временное. Первыхъ съ послѣдними объединяетъ грозный призракъ прошлаго. Ихъ союзъ на случай отраженія отъ общаго врага. Здѣсь получилось то же, что бываетъ съ галками и воронами, когда въ ихъ владѣнія залетаетъ кобчикъ. Они объединяются и гонятъ своего врага общими силами изъ своего района и, прогнавши, каждая порода занимается своимъ дѣломъ.

Крестьяне и рабочіе думали осуществить свои мечты, коммунисты-большевики свои, это теперь уже ясно для всѣхъ и рѣзко выражено, какъ крестьянами, такъ и коммунистами.

Прежде чѣмъ перейти къ доказательству, позвольте вамъ

отрекомендовать предсѣдателя Центральнаго Исполнительнаго Комитета, нашего русскаго президента М. И. Калинина.

Онъ — крестьянинъ Кимрскаго уѣзда Тверской губерніи. Въ деревнѣ у него хозяйство, и въ то же время онъ — рабочій петроградскихъ фабрикъ; образованіе получилъ преимущественно по тюрьмамъ. Это типъ русскаго коммуниста высшей марки. Я позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ его рѣчи, чтобы познакомить не съ программой коммунизма, которая всѣмъ извѣстна, но съ идеалами и убѣжденіями, которыми Калининъ пропитанъ.

Его рѣчи, какъ рѣчи оффиціальнаго, отвѣтственнаго работника, особенно цѣнны. Произнесены они на собраніяхъ, митингахъ во время его поѣздокъ по Россіи въ цѣляхъ сближенія крестьянъ съ диктатурой надъ пролетаріатомъ. Годъ тому назадъ они изданы правительствомъ въ цѣляхъ агитаціи подъ заглавіемъ„ Речи и беседы М. И. Калинина“ (Книга 1 въ 1919 г. Москва).

Въ отрывкахъ, приведенныхъ ниже, онъ говоритъ о союзѣ съ крестьянствомъ, о земельной собственности, о власти коммунистовъ, объ ихъ стремленіяхъ и задачахъ, о мессіанствѣ русскаго народа и т. д. Цитирую съ указаніемъ страницъ. Начну съ союза крестьянъ и рабочихъ:

„И вотъ стремленія рабоче-крестьянскихъ массъ нанести общій окончательный ударъ, укрѣпляютъ въ томъ убѣжденіи, что между рабочими и крестьянами продолжается тѣсный союзъ, который былъ, и въ который стараются вбить клинъ наши враги. Но я увѣренъ, что этотъ союзъ былъ и будетъ существовать, хотя въ настоящее время есть много причинъ для того, чтобы подраться рабочему и крестьянину. У крестьянина нѣтъ рубашки, у рабочаго нѣтъ хлѣба, а это достаточный поводъ для того, чтобы перегрызть другъ другу горло.“(47 стр.)

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ про крестьянъ:

„Это — первый союзникъ, который неумолимой логикой развитія революціоннаго движенія въ Россіи былъ самыми тѣсными узами связанъ съ рабочимъ классомъ.“(23 стр.)

Въ Тамбовѣ онъ поучаетъ совѣтскихъ работниковъ такъ:

„Иные наши товарищи договорились до того, что будто между крестьянами и рабочими массами нѣтъ пунктовъ схожденія,что будто-бы это — два класса съ совершенно противуположными интересами. Если бы это было такъ, наша

революція пришла бы къ концу: рабочій классъ въ Россіи не можетъ удержать власть въ своихъ рукахъ. Но онъ удержитъ, если останется гегемономъ крестьянства. Крестьянская масса никогда не являлась главнымъ руководителемъ государственной власти, гегемономъ власти. Этимъ гегемономъ является либо буржуазія, либо пролетаріатъ."(27 стр.)

По мнѣнію Калинина, рабочихъ, коммунистовъ и мелкую буржуазію въ лицѣ крестьянъ объединило слѣдующее обстоятельство.

„Причина этому та, что тысячу лѣтъ они были въ угнетеніи, что тысячу лѣтъ эти люди, которые теперь управляютъ, были рабами буржуазно-помѣщичьяго класса. Насъ держали въ темнотѣ, боялись дать почитать лишнюю книжку, насъ заставляли только зубрить псалмы да отче нашъ. Когда вдасть оказалась въ рукахъ народа, когда этотъ рабъ освободился и получилъ власть надъ своими угнетателями, то, конечно, разгулялось ретивое. Появилось желаніе мстить." (45 стр.)

Калининъ, какъ крестьянинъ, понимаетъ, что коммуна для крестьянъ—барская затѣя, что эту затѣю надо проводить деликатно, такъ, чтобы крестьяне въ одно утро проснувшись, вскрикнули бы: „Батюшки, да я живу въ коммунистическомъ строѣ." Самъ онъ коммуны не проповѣдуетъ. Вотъ что говоритъ онъ о крестьянахъ и ихъ сельскомъ хозяйствѣ.

„Крестьянская среда коммунизмомъ не пропитана и къ коммунизму не стремится". (23 стр.)

„На первыхъ шагахъ, когда мы явились въ деревню съ коммунистическими лозунгами, помните, мы стали примѣнять лозунги самымъ примитивнымъ способомъ. Естественно, что крестьяне сказали: «большевики хорошій народъ, они дали намъ имѣнія и землю, а коммунія—это прямое зло, ихъ выдумали не тѣ хорошіе большевики, которые намъ дали землю, а колчаковскіе агенты.»

„Теперь же, если у власти будетъ стоять рабоче-крестьянское правительство... все будетъ дѣлаться для облегченія этихъ крестьянскихъ массъ, для улучшенія индивидуальнаго хозяйства." (24 стр.)

„Основоположники марксизма Марксъ и Энгельсъ десятки лѣтъ тому назадъ говорили, что рабочій классъ можетъ захватить власть, что государство можетъ быть соціалисти-

ческимъ, въ то же время возможно параллельное существованіе индивидуальнаго крестьянскаго хозяйства." (25 стр.)

Послѣднія выдержки взяты изъ рѣчи, коей поучалъ Калининъ отвѣтственныхъ совѣтскихъ и партійныхъ работниковъ въ Тамбовѣ.

Но тотъ же Калининъ главную миссію свою,—примирить крестьянство съ правительствомъ—выполняетъ, особенно передъ крестьянами, очень ловко. Крестьяне знаютъ, что такое большевики, что такое коммунистическая власть и поэтому Калинину не приходится ея хвалить. Онъ утверждаетъ передъ крестьянами только то, что всякая остальная власть въ мірѣ хуже.

„Вотъ, товарищи, какъ растетъ совѣтская власть. Она растетъ не потому, что она хороша, (и я не очень хорошъ), —она растетъ потому, что Деникинъ то ужъ совсѣмъ сволочь." (10 стр.) „Совѣтская власть существуетъ $1^1/_2$ года. Что она дала? Правда, она дала комиссаровъ, изъ которыхъ нѣкоторые также умѣютъ великолѣпно гулять съ плеткой по улицамъ, также умѣютъ сажать въ тюрьмы, также умѣютъ воровать, мошенничать, жульничать, брать взятки, какъ старая полиція. Все это правда. Я не скрываю, да и смѣшно было бы скрывать. Всѣ объ этомъ знаютъ. Я говорю: правда, что среди совѣтской власти много дурныхъ элементовъ. Но я скажу вамъ также, что наши враги видятъ сучекъ въ чужомъ глазу. Пусть они укажутъ хотя одно правительство въ мірѣ, гдѣ бы не было въ правительствѣ спекулянтовъ, воровъ и взяточниковъ." (9 стр.)

„Мошенники и жулики есть вездѣ, даже въ Германіи, которая до войны считалась самой честной страной. Говорятъ, что тамъ теперь есть спекулянты и мошенники." (28 стр.)

О природѣ власти онъ мыслитъ уже не какъ крестьянинъ, или даже рабочій, онъ мыслитъ о ней какъ коммунистъ самой чистѣйшей породы, какъ представитель власти. Ему рисуется, что единственная власть, которая бы могла справиться, это та, которая бы забрала народъ въ ежевыя желѣзныя рукавицы, заставила бы массы работать огромное количество часовъ, голодать, вымирать и, такимъ образомъ, на трупахъ рабочихъ и крестьянъ налаживать строительство Россіи.

„Буржуазія думала, что мы, являясь представителями широкихъ массъ, не сможемъ взять эти массы въ ежовыя рукавицы и поставить въ нечеловѣческія условія жизни. Прошло почти два года и всѣ пророчества и гаданія нашихъ враговъ оказались совершенно неправильными."

„Да какой же я буду староста? говоритъ про себя Калининъ. Ясно, я долженъ взять за горло богатаго балашевскаго мужика и взять у него лишній хлѣбъ." (12 стр.) Или: „Предупреждаю, что расправа за дезертирство будетъ самая жестокая." (30).

Таковы рѣчи настоящаго коммуниста, хитраго кимрскаго мужика, который по очереди то ласково виляетъ крестьянамъ хвостомъ, то оскаливаетъ злобно зубы и даже кусается.

Онъ усвоилъ мудрость правителей и когда отнимаетъ у мужиковъ хлѣбъ, онъ клянется, что передъ этимъ отнялъ у Иваново-Вознесенскихъ рабочихъ для нихъ мануфактуру, которую, будто бы, тѣ хотѣли также утаить, какъ крестьяне хлѣбъ, и наоборотъ. И народъ терпитъ: всѣмъ, значитъ, поровну достается, а „на міру и смерть красна."

Идеалы русскихъ коммунистовъ не ограничиваются вышеизложеннымъ, диктатурой, огосударствленіемъ, защитой достиженій революціи. Ихъ путеводная звѣзда—міровая революція.

По мѣрѣ того, какъ крѣпла власть, коммунисты все больше и больше выдѣлялись въ особую привиллегированную касту, отрывались отъ народа, его чаяній и вожделѣній. Постепенно между народомъ и правящимъ классомъ, „коммунистами" росла пропасть, союзники становились врагами. Тѣмъ не менѣе конь былъ осѣданъ и взнузданъ и находился въ желѣзныхъ ежовыхъ рукавицахъ всадника. Бѣлая и черная кость воскресла, на одной сторонѣ стали жрецы и патриціи, вооруженные до зубовъ, на другой плебсъ, жалкая голодная толпа, лишенная подъ страхомъ смертной казни возможности не только носить, но и хранить у себя оружіе. Для плебса коммунисты больше заботились о зрѣлищахъ, чѣмъ о хлѣбѣ, а Пролеткультъ—больше объ одурманиваніи народнаго ума, чѣмъ о наукѣ.

Для массы создаются новые боги и новая вѣра, труды Маркса объявлены священнымъ писаніемъ, не подлежащимъ

критикѣ. Крестятъ въ новую вѣру не только огнемъ и мечемъ, но и голодомъ.

Проповѣдуя міровую соціальную революцію, Калининъ вѣритъ, что русскій народъ—„свѣточъ міру, мессія“, его задача спасти міръ черезъ его кровь, трупы, жертвы и трудъ. „Такъ будьте же на высотѣ тѣхъ заданій,... которыя исторія возложила на русскій рабочій классъ, на русское крестьянство, на какомъ посту вы бы ни были“, говоритъ Калининъ отвѣтственнымъ служащимъ.

„Каждый долженъ думать, что на него возложена въ высшей степени отвѣтственная задача, и выполненіе этой задачи способствуетъ побѣдѣ надъ міровой контръ-революціей. Каждый человѣкъ, изготовляющій какую нибудь вещицу, съ гордостью можетъ сказать: «Какъ бы ни была мала вещица, я способствую побѣдѣ международной революціи надъ международной контръ-революціей.» “ (27 стр.)

Я извиняюсь, что задержалъ слишкомъ долго на рѣчахъ именитаго сановника-коммуниста.

Выводъ изъ нихъ: крестьяне-союзники и главная сила революціи.

По оффиціальной статистикѣ всѣхъ коммунистовъ въ Россіи 585.000 человѣкъ, но я увѣренъ, что и эта цифра преувеличена. Въ названной цифрѣ, кажется, по словамъ Ленина, только 1% настоящихъ коммунистовъ, 70% жулики и воры, а 29% дураки. Теперь спрашивается, какимъ же образомъ могъ русскій мужикъ передъ Европой позволить нарядить себя въ шутовской коммунистическій кафтанъ и принять марксійскую вѣру? Какъ онъ могъ подчиниться у себя дома диктатурѣ очень небольшой партіи? Почему онъ пошелъ за коммунистами, отвергая съ самаго начала ихъ ученіе?

Какія причины играли роль этого противуестественнаго симбіоза?

Прошло уже три года жизни русскаго трудового народа подъ диктатурой коммунистической партіи и на поставленные вопросы можно отвѣтить, мнѣ кажется, болѣе или менѣе удовлетворительно, не претендуя, конечно, на исчерпывающій отвѣтъ, который дадутъ въ свое время историки.

Одними экономическими причинами, повторяю, нельзя объяснить русскую революцію. Въ настоящее время экономическое положеніе въ 1000 разъ куже, чѣмъ было при царѣ да-

же въ послѣдній дореволюціонный періодъ, однако, коммунистическое правительство держится крѣпко и нѣтъ не только революціи, нѣтъ даже попытки къ дворцовому перевороту.

Переносятся голодъ, холодъ, моръ и всякія бѣды и напасти, вплоть до ужаснаго террора, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ. Очевидно, въ революціонный періодъ проявляется у націи высшая жертвенность и самоотреченіе, а экономика отходитъ въ сторону. Конденсированное вѣками, годъ за годомъ, недовольство массъ взрывается и превыше всего боится возврата къ старому, хорошо извѣстному, изжитому. Массы мечутся изъ стороны въ сторону и ищутъ новыхъ боговъ, новаго уклада жизни, стремятся осуществить свои личные идеалы, найти общій, коллективный идеалъ, который бы примирилъ всѣхъ, или подавляющее большинство.

Въ этотъ моментъ хорошо сказанная, трескучая фраза цѣнится выше добросовѣстно продуманной, здоровой экономической программы. Болтовня становится факторомъ исторіи, дѣло отходитъ на послѣдній планъ, чувство и инстинктъ руководятъ дѣйствіями. Демагогія ведетъ къ власти и подкупъ болтуновъ съ искрой является могучимъ средствомъ. Если въ эту среду попадаетъ нѣсколько фанатиковъ, искренно преданныхъ идеѣ, то успѣхъ обезпеченъ, особенно, если у фанатиковъ, кромѣ всего прочаго, жажда власти соединена съ добрымъ намѣреніемъ осчастливить міръ. Въ этомъ отношеніи Ленинъ и К° явились идеальными представителями и вождями революціоной улицы. Они явились съ большой научной подготовкой по революціонной части и съ большими средствами для подкупа. Курсъ, взятый на углубленіе революціи, былъ правиленъ: онъ соотвѣтствовалъ чаяніямъ трудовыхъ массъ. Труппа большевиковъ открыла балаганъ и поставила пьесу „Великая Французская Революція."

Коммунисты оказались въ центрѣ пришедшаго въ движеніе русскаго космоса. Вращеніе все больше и больше сосредоточивалось вокругъ ихъ оси и закончилось тѣмъ, что въ Октябрѣ 1917 года коммунисты стали правительствомъ и, ставши имъ, сами оторвались отъ массъ.

Въ этомъ имъ, прежде всего и сильнѣе всего, помогла буржуазія. Она попрежнему хотѣла вести народъ, воспламененный революціоннымъ энтузіазмомъ, на столыпинскомъ тормазѣ, торговалась съ народомъ и „все боялась передать,"

удерживала эсъ-эровъ и меньшевиковъ отъ сліянія съ народомъ настолько сильно, что оторвала ихъ отъ массы, у которой, такимъ образомъ, единственными руководителями оказались большевики.

Власть сама по себѣ , по своей природѣ, является самоцѣлью, самодовлѣющимъ органомъ, сувереномъ, который стремится жить даже при такихъ условіяхъ, когда государственный организмъ въ цѣломъ, вызвавшій ее къ жизни, умеръ. Инерція толкала Временное Правительство на самосохраненіе, и, вмѣсто того, чтобы принять всѣ мѣры къ немедленному созыву Учредительнаго Собранія, оно подъ давленіемъ привилегированныхъ классовъ оттягивало этотъ созывъ. Писались какіе-то бумажные законы для народа въ то время, когда эти законы русскій народъ творилъ собственными руками. Большевики въ этомъ отношеніи были демагогичнѣе, хитрѣе и аморальнѣе даже царскихъ опытныхъ администраторовъ и цѣпко держали въ своихъ рукахъ всю полноту власти. Учредительное собраніе имъ было ненужно и опасно. Видѣли въ немъ соперника на власть, какъ въ свое время всероссійскій самодержецъ, и силою оружія разогнали его.

То, чего не доглядѣли большевики, доглядѣлъ Колчакъ арестуя директорію и разгоняя остатки Учредительнаго Собранія. Для стервятниковъ всѣхъ категорій воля народа всегда ненавистна. Мы уже видѣли, что Кимрскій мужичекъ Калининъ, какъ только онъ попалъ къ власти, сталъ говорить о гегемонѣ, точно онъ помазался тѣмъ же муромъ изъ кремлевской сокровищницы, что и послѣдній николаевскій городовой,—тѣ же самые окрики, и та же самая манера взять за горло, наказать самымъ жестокимъ образомъ, насиловать, приказывать и миловать. „Я отдалъ приказъ отправить ихъ всѣхъ на поля,“ —разсказываетъ Калининъ на митингѣ про саратовскую буржуазію и интеллигенцію. Не всегда онъ грозенъ, бываетъ и милостивъ. Такъ, онъ жалуетъ крестьянъ Царицынскаго уѣзда бумагой съ разрѣшеніемъ посѣва на 1919 годъ на участкѣ, отведенномъ въ 1913 году Военному вѣдомству подъ юнкерскія казармы. (43 стр.)

Захвативъ власть, большевики стремятся обособиться отъ народа и замкнуться въ своемъ кругу, стать такой же самодержавной властью, какъ и царская.

Рецептъ удержать власть за собой, по анализу Л. Н. Толстого, сводится къ четыремъ средствамъ и они коммунистами использованы.

Первое — гипнотизація націи, которая заставляетъ людей „дѣлать то ложное разсужденіе, что существующій порядокъ неизмѣненъ. Гипнотизація, начиная свое дѣйствіе съ дѣтскаго возраста, продолжается надъ людьми до самой смерти. Покоится она обманѣ, вводящемъ въ заблужденіе общественное мнѣніе." У большевиковъ для этой цѣли существуетъ пресса, печать и агитація, культъ Маркса и Ленина. Для большей легкости гипноза запрещены свободы слова, печати и собраній.

Второе — подкупъ сотрудниковъ, которые „вѣрятъ въ неизмѣнность существующаго порядка, потому, главное, что онъ выгоденъ имъ." Коммунистамъ правительство Ленина дало всевозможныя привиллегіи и пайки, а также право реквизицій и конфискацій, право распоряженія, право носить оружіе, т. е. полноту власти.

Третье — устрашеніе. Состоитъ въ томъ, „чтобы выставить существующее государственное устройство (какое бы оно ни было,— свободно-республиканское или самое деспотическое) чѣмъ то священнымъ и неизмѣннымъ и поэтому казнить самыми жестокими казнями всѣ попытки его измѣненія," и коммунисты создали Ревтрибуналы и Военревтрибуналы и т. д.

Четвертое состоитъ въ томъ, „чтобы посредствомъ трехъ первыхъ выдѣлить изъ всѣхъ такимъ образомъ закованныхъ и одуренныхъ людей еще нѣкоторую часть людей для того, чтобы подвергнуть этихъ людей особеннымъ, усиленнымъ способамъ одуренія, для совершенія всѣхъ тѣхъ жестокостей и звѣрствъ, которыя понадобятся правительству."

Этой силой у коммунистовъ являются Чрезвычайка, Вохра и инородческіе полки, латыши, китайцы и т. д.

Для кого не ясно изъ русскихъ, что у коммунистовъ за пазухой всегда старый царскій револьверъ, кому не ясна ихъ самодержавная природа? Зачѣмъ народу приписывать кровь, разбой и терроръ? Вѣдь раньше кровь, которую проливали Романовы, не ставилась виной трудовому народу. Вся кровь на коммунистическомъ правительствѣ, на Ленинѣ и К°.

Никогда, ни одной минуты нельзя допустить, что коммунисты дѣлали русскую революцію: они подошли, когда народъ сдѣлалъ уже свое главное дѣло, съ подходящимъ предложе-

ніемъ для даннаго момента, и союзъ галокъ и воронъ противъ кобчика былъ заключенъ. Для Ленинскаго вѣнчанія на царство было много данныхъ, но бракъ былъ не по любви, а по разсчету. У коммунистовъ съ Ленинымъ во главѣ были одни идеалы, у народа другіе, но враги у нихъ были общіе.

Земля въ глазахъ народа была божья, ничья, еще задолго до появленія на свѣтъ Карла Маркса и Ленина. Въ этомъ убѣжденіи народъ воспитывался изъ поколѣнія въ поколѣніе. Начиная со славянофиловъ, кончая нынѣ живущими публицистами и писателями, наша соль земли, наши русскіе лучшіе, авторитетнѣйшіе люди зафиксировали это народное убѣжденіе въ литературѣ. Да и самъ по себѣ русскій народъ не дуракъ, „онъ сѣръ, да умъ то у него не чортъ съѣлъ“: во многихъ вопросахъ разбирается не хуже патентованныхъ экономистовъ, богослововъ и политиковъ.

Революція, наоборотъ, показала, какая куриная слѣпота и какое ничтожество была наша русская буржуазная среда, наши, такъ называемые, привиллегированные классы. Здѣсь невѣжества обнаружилось гораздо больше.

Кромѣ суевѣрій, предразсудковъ и крахмальныхъ воротничковъ въ отвѣтственный историческій моментъ у нея ничего не оказалось. Она съ удивительной легкостью уступила свои классовые интересы коммунистамъ. Мы не знаемъ, можетъ быть, тутъ былъ разсчетъ. Можетъ быть, потому, что черезъ коммунистовъ казалось легче вернуть старый укладъ, свои привиллегіи и неограниченную священную собственность, чѣмъ черезъ Учредительное Собраніе, т. е. черезъ власть, установленную самимъ народомъ, или черезъ правительство, въ которомъ были лѣвые соціалистическіе элементы.

Черносотенцы и монархисты также не только не поддерживали Временнаго Правительства, но умышленно ставили ему палки въ колеса и помогали большевикамъ. Они боялись власти народа, боялись его общечеловѣческихъ и справедливыхъ достиженій. Они знали, что народу нужно, но не хотѣли отказаться отъ своихъ узко эгоистическихъ интересовъ. „Свалить бы эсъ-эровъ, а большевики сами свалятся“, такъ думали они.

Нашъ народъ не матеріалистъ. Онъ, прежде всего, добивался правъ личности, для него гнетъ духовный былъ горше гнета экономическаго. Для массового рабочаго и крестьянина, которые добывали себѣ средства существованія въ достаточ-

номъ количествѣ, свобода, культура, образованіе и равенство были дороже богатствъ и драгоцѣнностей. Ихъ привлекалъ не лозунгъ коммунистовъ „грабь награбленное“, а болѣе возвышенный—„вся земля трудящимся“, уничтоженіе земельнаго неравенства, возстановленіе нарушенной справедливости, гражданскихъ и общечеловѣческихъ правъ, раскрѣпощеніе отъ властей предержащихъ и освобожденіе отъ гнета, эксплоатаціи и униженія со стороны болѣе богатыхъ и болѣе образованныхъ классовъ. Мишура, выдаваемая большевиками за золото, не могла прельстить трудового народа. Онъ зналъ ей цѣну такъ же хорошо, какъ самимъ большевикамъ и ихъ обѣщаніямъ. На Ленинскія побрякушки съ жадностью набросились деклассированные элементы.

Жажда власти, скораго обогащенія, жажда мести и крови, легкой наживы, карьеры и драгоцѣнностей, чужды народу. Въ объятіяхъ коммунистовъ прежде всего оказалась развращенная улица. Старый строй также накопилъ изрядное количество въ нѣдрахъ своего бюрократическаго аппарата подходящаго матеріала. Здѣсь были главнымъ образомъ неудачники, люмпенпролетаріатъ и разная „шатія“, какъ называетъ эти элементы нашъ простой народъ. Для легкой наживы, для легкой карьеры открывалось широкое поле дѣятельности. Это они устроили пиръ во время чумы, это они танцуютъ надъ трупами, это они, безъ суда и разбирательства, не только разстрѣливаютъ, но и застрѣливаютъ, кого имъ вздумается и за что имъ вздумается. Это они голодной пыткой приводятъ къ повиновенію. Среди коммунистовъ вы найдете лакеевъ, бывшихъ царскихъ министровъ, чиновниковъ-неудачниковъ, охранниковъ, жандармовъ и полицейскихъ, разбѣжавшихся изъ Москвы и Петрограда во время революціи и на новыхъ мѣстахъ жестокостью, превосходящей прежнюю, заслуживающихъ ласку и милость новаго правительства. Воры, убійцы, жулики,—теперь товарищи, сослуживцы своего прежняго тюремнаго начальства и вмѣстѣ съ нимъ на уже освященномъ декретами Совнаркома основаніи продолжаютъ свое ремесло, въ качествѣ помазанниковъ коммунистической мурой и елеемъ.

Въ руководящемъ центрѣ, наряду съ карьеристами, бывшими сановниками отъ бюрократіи и буржуазіи находятся фанатики, начетчики марксизма, люди, быть-можетъ, святые,—такъ, по крайней мѣрѣ, ихъ аттестуетъ Максимъ Горькій, и я съ нимъ

спорить не буду,—но и люди безъ сердца, жестокіе, деревянные, честолюбивые. Святые не изъ тѣхъ, для которыхъ богъ есть любовь къ ближнему, а изъ тѣхъ, для которыхъ одна буква Маркса дороже жизни человѣческаго существа.

Не эта „шатія“ дѣлала революцію, а теперь защищаетъ границы, борется съ врагами, нѣтъ,—революцію и всю положительную работу дѣлаетъ самъ трудовой народъ.

Ни на одинъ призывъ высочайшей власти коммунистовъ, ни на одно ихъ повелѣніе не протянулась еще для содѣйствія и помощи ни одна мозолистая рука свободно и съ любовью. Нѣтъ готовности, нѣтъ благодарности. Вся работа дѣлается чиновками-коммунистами и дѣлается черезъ пень-колоду. Пришлось вернуться къ подкупу, подачкамъ, наградамъ, орденамъ, привиллегіямъ, ударнымъ пайкамъ, почетнымъ званіямъ, преміальной системѣ и т. д.

Ни тюрьмами, ни концентраціонными лагерями, ни каторжными принудительными работами, ни разстрѣлами, вообще, никакими наказаніями и жупелами коммунисты не могутъ сдѣлать трудъ народныхъ массъ производительнымъ. На народъ не дѣйствуетъ ни ласка, ни угроза.

Въ коммунистической партіи 585.000 членовъ. Послѣ трехлѣтней ея диктатуры, число членовъ не только не увеличивается, но уменьшается. Гдѣ же, спрашивается, остальные 50 милліоновъ русскихъ(взрослыхъ)? Почему они предпочитаютъ терпѣть ужасы и уклоняются отъ чести быть коммунистами, и не хотятъ получить сіе привиллегированное званіе?—Вѣдь въ партію такъ легокъ доступъ даже для подлецовъ, мошенниковъ и дураковъ. Очевидно не хотятъ идти въ эту компанію, очевидно эта среда для трудового народа—чуждая, посторонняя, своего рода наймиты, допущенные совершить какую-то очень нужную, но временную работу. Съ ними не стоитъ якшаться у нихъ не за чѣмъ заискивать, они—враги; прогнать ихъ—единова дыхнуть для народа. Вѣдь подъ штыкомъ въ той же самой сѣрой шинели 1917 года стоитъ крестьянская и рабочая масса, которая четыре года тому назадъ безъ малѣйшаго шума и сопротивленія опрокинула царскій тронъ и вызвала восторгъ народа.

Почему же болѣе ненавистное правительство держится и почему восторги націи, вкусившей уже сладость революціи, отсрачиваются? Очевидно для этого есть серьезныя основанія. Надо ихъ попытаться понять и осознать, иначе то, что дѣлает-

ся въ Россіи, покажется непонятнымъ абсурдомъ, хаосомъ, сумасшедшимъ домомъ, мерзостью, всѣмъ, чѣмъ хотите, но не шагомъ впередъ, въ неизвѣстное будущее. Въ этомъ случаѣ надо быть болѣе объективными, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Въ Россіи происходитъ въ настоящее время процессъ переоцѣнки моральныхъ, экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ цѣнностей, для которой коммунистическое правительство, какъ самое слабое, безъ традицій, менѣе опасно и болѣе подходяще, чѣмъ всякое другое, не порвавшее съ прошлымъ царскимъ режимомъ и въ той, или другой формѣ устанавливающее преемственность съ муропомазанниками.

Коммунистическіе боги для русской массы народа завѣдомые идолы. Народъ идетъ съ коммунистами, а не за коммунистами, и постольку, поскольку онъ пошелъ бы со всякимъ другимъ правительствомъ, когда ихъ цѣли и пути совпадаютъ. Коммунисты нужны, какъ нужны были во время французской революціи монтаньяры, для тѣхъ дѣяній, которыя надо совершить, напримѣръ, для уничтоженія вассальной зависимости, охраны границъ отъ австрійской и германской интервенціи, по просьбѣ французскихъ помѣщиковъ и монархистовъ. Затѣмъ, во время революціи бываетъ слишкомъ много такой работы, гдѣ нужны головорѣзы и палачи. Въ этомъ повинны высшіе привиллегированные классы. Они своей гордостью, жадностью, тупостью и невѣжествомъ побуждаютъ народъ дѣйствовать, если не непосредственно, то черезъ особо выдѣленные кадры людей, вродѣ нашихъ коммунистовъ и чрезвычайниковъ.

Разъ помѣщики добромъ не хотѣли уступить народу земли, не смотря на самые разумные доводы Л. Н. Толстого и другихъ благожелательныхъ къ нимъ людей, то ужъ, извините, честью долго просили, и ничего не вышло—приходится выпустить на сцену Робеспьерсвъ, Дантоновъ и Маратовъ. Горько, тяжело, но разъ „добраго слова не слушаешь, бычьей кожи послушаешь“. И народъ выдѣлилъ изъ своихъ нѣдръ живую гильотину въ видѣ правительства Ленина и К-о.

Союзъ трудового народа съ правительствомъ Ленина и его коммунистической партіи заключенъ не спроста и не платонически.

Казалось бы, нельзя требовать сознательнаго отношенія къ соглашенію со стороны трудовыхъ народныхъ массъ. Рус-

скіе граждане не имѣли возможности получить образованіе сколько нибудь напоминающее образованіе Гэрцена который жилъ въ серединѣ XIX-го вѣка.

Тотъ зналъ, что повтореніе ужасовъ и террора французской революціи преступно, а нашъ мужикъ никогда не обучался исторіи французской революціи и долженъ былъ сложные соціальные вопросы рѣшать своимъ умомъ. Хотя ему не давали читать того же самаго Герцена, но онъ чувствуетъ не менѣе тонко, чѣмъ Герценъ, что преступно убивать, несмотря на то, что царское правительство натаскивало его на эту спеціальность. И я думаю, что въ ужасахъ народъ неповиненъ. Классы, всегда поддерживавшіе царское правительство, содѣйствовали послѣднему всемѣрно удерживать народъ въ невѣжествѣ и нищетѣ для своихъ личныхъ выгодъ.

По этой и многимъ другимъ причинамъ, революціонное движеніе является подсознательнымъ неосознаннымъ движеніемъ не только для народа, но и для образованной части русскаго общества.

Но народный инстинктъ и подчасъ быть можетъ жестокій, но здравый смыслъ руководитъ націей въ смутное революціонное время.

Народъ почувствовалъ въ данный историческій моментъ въ коммунистахъ своего работника. У нихъ были разныя цѣли, но общіе враги и это ихъ объединяло. Однимъ надо было упиться властью, а народу осуществить вѣковые завѣты. Не будемъ голословны, попробуемъ доказать это.

Во первыхъ, борьба съ Колчакомъ, Деникинымъ, Врангелемъ и другими реставраторами и претендентами на власть. Трудовой народъ здѣсь не только чувствовалъ инстинктомъ но въ полномъ умѣ и твердой памяти зналъ, что ихъ надо разбить и уничтожить. Съ ними шло старое невѣжество, съ ними не было выхода къ человѣческому существованію и равенству, народъ зналъ, что отберутъ вновь землю; такъ что опять куренка некуда будетъ выпустить. Презирая большевиковъ, онъ шелъ съ ними. Большевикамъ же надо было уничтожить конкурентовъ на власть. Они боялись, что Деникинъ и Врангель займутъ ихъ мѣсто, лишатъ ихъ авторитета, матеріальныхъ выгодъ, славы и вліянія. И вотъ галки и вороны —народъ и большевики,—объединяются и бьютъ общаго врага дружно и ожесточенно. Народъ позволяетъ большевикамъ

уничтожить Колчака, но оставляетъ живымъ и укрываетъ Махно: послѣдній—врагъ коммунистовъ и генераловъ, но не народа. Въ этомъ они разбираются тонко. Думаютъ, что придетъ время—и Махно пригодится.

Во вторыхъ, Поляки захватили Бѣлоруссію, взяли Кіевъ—большевики бьютъ тревогу. Вмѣсто красной коммунистической Польши можетъ, дѣйствительно, получиться бѣлая Россія. Большевикамъ во что бы то ни стало нужно покорить подъ коммунистическія „нозѣ" Рѣчь Посполитую и протаранить ходъ въ Западную Европу. Троцкій, красный фельдмаршалъ, кипятится, развиваетъ сатанинскую энергію,—вѣдь дальше Германія, Чехословакія, Австрія и т. д.

Народъ пошелъ, прогналъ поляковъ изъ своихъ владѣній, и, прогнавши, въ самый критическій моментъ, подъ Варшавой, предпочелъ сдаться десятками тысячъ и интернироваться въ Германіи. Ему до славы Троцкаго и Третьяго Интернаціонала нѣтъ никакого дѣла. Онъ сдѣлалъ свое дѣло. Завоевывать ни Эстоніи, ни Латвіи, ни Финляндіи онъ не хочетъ, какую бы бѣшеную энергію ни развивали коммунисты.

Въ третьихъ, правительству надо отобрать фабрики,—все-таки они, какъ-ни-какъ марксисты, если не въ душѣ, то снаружи. Надо выполнить соотвѣтствующій параграфъ коммунистическаго манифеста, надо изгнать буржуевъ и капиталистовъ, надо эти фабрики взять въ свое вѣдѣніе и распоряженіе. Народу, который уже отнялъ землю и имѣніе у помѣщиковъ, кажется, что изъ-за пустяковъ спорить не стоитъ: вѣдь буржуазія коечѣмъ погрѣшила и передъ нимъ. Помогаютъ захватывать фабрики и заводы, изгонять „буржуевъ," но, захвативши для своихъ союзниковъ фабрики, сами уходятъ съ фабрикъ и заводовъ, по деревнямъ, оставивъ промышленность и производство на утѣху и забаву бюрократамъ-коммунистамъ,

Большевикамъ мало показалось фабрикъ, рѣшили взять въ свое вѣдѣніе часть имѣній, превратить ихъ въ фабрики зерна для городовъ и коммунистовъ. Народъ русскій прежде всего справедливъ и всегда готовъ платить тому, кто работаетъ для него. Уступилъ имѣнія коммунистамъ съ почтеніемъ, а самъ же отказался на нихъ работать и въ совхозахъ растетъ одна крапива, разворовывается инвентарь, съѣдается скотъ, а у крестьянъ на землѣ по-прежнему, хотя и немного засѣяно, растетъ хлѣбъ. Засѣвать при коммунистахъ для крестьянина много и

нельзя: все-равно возьмутъ за горло и отнимутъ, почему же и не предоставить имѣній большевикамъ?

Такъ и живутъ эти союзники, дружно дѣйствуютъ при всякой внѣшней и внутренней опасности и постоянно ссорятся между собой въ своихъ домашнихъ дѣлахъ. Трудовая масса помогаетъ въ тѣ моменты, когда это нужно большинству, а не большевикамъ, и даетъ очень жестокій отпоръ, когда дѣло касается прихотей правительства. Прихотями я называю осуществленіе ихъ коммунистической программы по рецептамъ, заимствованнымъ на западѣ. Здѣсь изъ-за коммунустовъ попадаетъ рикошетомъ и городскому, совсѣмъ неповинному населенію.

Глубоко ошибается западный пролетаріатъ и, можетъ быть, западное крестьянство, если они думаютъ, что коммунистическое правительство любезно русскимъ трудящимся.

Теперь уже отчетливо выяснилось, что правительство и народъ — двѣ враждебныя силы: съ одной стороны самодовлеющее, автократическое правительство, всегда держащее наготовѣ противъ народа бронированный кулакъ и всѣ средства государственной машины насилія, а съ другой стороны, рабочіе и крестьяне, думающіе свою думу, ищущіе осуществленія своихъ идеаловъ. Коммунисту приходится все время быть на чеку, все время держать наготовѣ унаслѣдованный отъ жандармовъ револьверъ, направленный въ народную грудь.

Власть съ момента ея захвата перестала быть народной. Коммунистическое евангеліе, залитое кровію, ничего новаго не внесло въ чисто народную революцію, въ народную душу. Идеалы народа, красной нитью проходящіе черезъ трехсотлѣтнюю исторію, которую мы вначалѣ бѣгло просмотрѣли, не осуществлены и попрежнему остаются предметомъ достиженія. Предоставленныя самимъ себѣ, эти двѣ силы, безъ угрозъ со стороны, неминуемо столкнутся между собой, ибо теперь уже налицо дифференціація: угнетатели и угнетаемые, плебеи и патриціи, рабовладѣльцы и рабы.

Міровая война, гражданская война, бунты и возстанія внутри страны, неумѣлое управленіе страной и народнымъ хозяйствомъ, подавленіе всѣхъ живыхъ силъ страны, самодѣятельности и иниціативы, стремленіе всѣмъ управлять изъ Кремля, сдѣлать всѣхъ военнообязанными, лишить самыхъ элементарныхъ свободъ,—какъ, напримѣръ, свобода передвиженія,— разорили страну, сдѣлали народъ буквально нищимъ. Единствен-

ное спасеніе — отходъ къ землѣ, или въ землю. Ходъ назадъ въ прожитую исторію совершается уже не на всѣхъ парусахъ, а на аэропланѣ, точно народъ ищетъ въ сѣдой старинѣ точки, на которой онъ сбился съ правильнаго пути и зашелъ въ нынѣшній коммунистическій тупикъ.

Въ настоящій моментъ ходъ назадъ данъ уже къ Петровской Россіи, когда надо снова прорубить окно въ Европу, когда надо насильно мобилизовать, чтобы вновь отстроить города, вычистить каналы, возродить горную промышленность. Мѣры однѣ и тѣ же. Послѣ войны со Швеціей Петръ заграничную торговлю объявилъ казенной монополіей, строилъ корабли, отправлялъ ленъ, пеньку, поташъ, лѣсъ и смолу, искалъ концессіонеровъ, откупщиковъ, прикрѣплялъ крестьянъ къ заводамъ (посессіонное право), принудительно мобилизовалъ рабочихъ для постройки государственнаго сооруженія. Правда, тогда все дѣлалось не во имя Карла Маркса, третьяго Интернаціонала, а во имя спасенія Россіи.

„Но что мнѣ въ имени твоемъ?“

Во многомъ мы ушли дальше. Мы ушли къ тѣмъ временамъ, когда брали заложниковъ, когда за отцовъ казнили дѣтей и женъ, когда за отдѣльныхъ лицъ шли войной и наказывали племя, казнили сосѣдей. За покушеніе на Ленина разстрѣливаютъ тысячами по всей Россіи совершенно невинныхъ и за убійство Розы Люксембургъ въ Германіи, въ Петрозаводскѣ приносятся человѣческія жертвы отмщенія.

Или еще дальше изъ Петрограда пишутъ:

„Мы ходимъ почти голые и ѣдимъ одни яблоки, совсѣмъ какъ въ раю.“

Что новаго по сравненію съ Петромъ открылъ Ленинъ? Самый махровый генералъ изъ реставраторовъ принужденъ былъ бы многое дѣлать то же самое, что дѣлаетъ Ленинъ, и сдѣлалъ бы безусловно толковѣе. Въ этомъ никто не сомнѣвается. Значитъ, Ленинъ призванъ не для хозяйства.

Народъ не потому съ Ленинымъ, что онъ хозяйственнѣе Врангеля или Деникина, а потому, что слабое правительство для закрѣпленія завоеванныхъ правъ имѣть выгоднѣе всякаго другого правительства, которое можетъ возобновить старыя привиллегіи и сословія.

Выражаясь жаргономъ большевиковъ, ихъ интеллигенческая болтовня, старанія разукрасить и размазать свою исто-

рическую миссію, въ коренной Россіи никого обмануть не можетъ и разсчитано для Запада. Если на ленинскія дѣянія смотрѣть въ лупу, то мы увидимъ, что его правительство допущено народомъ къ самой грязной исторической работѣ, къ такой работѣ, которую уважающій себя человѣкъ собственными руками совершить не можетъ.

Пускай большевики золотятъ и драпируютъ терроръ и кровь въ тогу революціи, которая закончилась въ октябрѣ 1917 года, и даже въ тогу міровой революціи, которая еще и не начиналась: они этимъ тѣшатъ только себя, этимъ они хотятъ успокоить свою деревянную совѣсть. Они гильотина, которою нація пользуется въ порывѣ переустроить свой міръ на новыхъ справедливыхъ началахъ, пользуется потому, что ихъ „товарищи только по могилѣ", выражаясь Диккенсовскимъ языкомъ, привиллегированные классы не хотѣли жить по совѣсти, разстаться со своими сословными привиллегіями, не пожелали съ народомъ раздѣлить и горе и радости, плечо къ плечу бороться за общечеловѣческіе интересы.

Напротивъ, привиллегированные классы вступили въ борьбу, втянули въ нее часть народа, направили поповонаволочанъ на благовѣщенцевъ, семеновцевъ на варнавинцевъ, костромичей на уфимцевъ.

Ненависть къ большевикамъ-коммунистамъ ослѣпляла и ослѣпляетъ даже теперь многихъ изъ людей, терпѣнія не хватаетъ, нѣтъ и пониманія исторической роли коммунистовъ.

Поэтому многіе шли съ генералами противъ коммунистовъ, но было бы неправильно думать, что они шли противъ народа за генераловъ и дворянъ, и ихъ привиллегіи. Въ результатѣ этой борьбы—новая коммунистическая камарилья водворилась въ дворцахъ и укрѣпила свою власть гражданской войной.

И народъ не предъявилъ пока коммунистамъ къ уплатѣ векселей, выданныхъ въ октябрѣ 1917 г. Они пока нужны, народъ продолжаетъ ждать и мириться съ положеніемъ и терпѣть. Чѣмъ больше работы—тѣмъ больше платежъ.

Народъ лишили свободы слова, свободы передвиженія, хлѣба, дровъ и одежды, но онъ терпитъ. Черезъ трупы разстрѣлянныхъ, утопленныхъ, сброшенныхъ въ море, ведутъ коммунисты въ свой рай, гдѣ нѣтъ классовъ и гдѣ только товарищи рабы и товарищи—рабовладѣльцы, но народъ пе-

реноситъ и это. Народохозяйственный геній закованъ въ цѣпи, самодѣятельность и самоуправленіе трудовыхъ массъ, такъ широко выявившіяся, помимо индивидуальнаго хозяйства въ кооперації, взяты подъ подозрѣніе и запрещены. Народъ отказывается отъ своихъ элементарныхъ правъ, ибо работа гильотины еще не закончена и онъ ждетъ. Реакціонныя и реставраторскія тучи еще не пронеслись.

Отнято право свободнаго труда создавать цѣнности, сѣять хлѣбъ иначе, какъ по указкѣ свыше отъ начальства. Народъ и здѣсь не оказываетъ пока сопротивленія.

Какъ будто у правительства и народа полная солидарность, а въ результатѣ—власть оказалась у разбитаго корыта. Каждый рабочій и крестьянинъ норовитъ дезертировать съ трудового фронта, съ глазъ начальства, подальше отъ его опеки.

Поэтому коммунизмъ выродился въ отрыжку самодержавія,—разница маленькая—палка замѣнена штыкомъ.

Народъ задыхается, народъ погибаетъ, какъ будто выхода нѣтъ, новыя цѣпи выкованы изъ стали. Какъ дикій, взбунтовавшійся звѣрь, народъ, кажется, будетъ усмиренъ и превращенъ въ домашнее животное, живой инвентарь совхоза или обхимдревправленія. Мучительный вопросъ для всѣхъ насъ: побѣдитъ-ли психологія вольнаго человѣка, свободнаго казака, или вернется рабья душа, построившая подъ ударами плетки великія египетскія пирамиды? Особенно мученъ онъ для насъ, кооператоровъ, которые все время служили народу, а не правительствамъ и лицамъ.

Жизнь пчелы, жизнь муравья удовлетворить человѣка не можетъ.

Онъ царь не только природы, но прежде всего царь самому себѣ.

Правда, русскій народъ былъ долго „рабомъ Божіимъ“, но въ этомъ смиреніи, подъ веригами и терпѣніемъ, скрывалась гордая душа, свободно сама на себя налагавшая цѣпи, скрывая подвигъ. Старцы Зосима Достоевскаго и Сергій Толстого развѣ не говорятъ намъ о гордости въ смиреніи? Прикинулся народъ русскій съ присущей ему хитростью передъ лицомъ всего свѣта „рабомъ коммунистическимъ,“ надѣлъ нарядъ юродиваго, „непротивленца злу.“ Но близокъ часъ, когда скажетъ онъ свою обычную фразу: „Будетъ—попили

нашей кровушки" и стряхнетъ цѣпи, только ему надо увѣриться, что злого орла о двухъ головахъ, рвавшаго долго душу его и тѣло, уже нѣтъ и не будетъ. Уже теперь открылись глаза у тѣхъ, которые вмѣстѣ съ Колчакомъ и Врангелемъ полагали, что дерутся съ большевиками, направляли свои пушки и пулеметы не въ коммунистическаго барина, который находился въ тылу, а били по мужику, по своимъ братьямъ крестьянамъ, рабочимъ и по русской самоотверженной интеллигенціи. Сѣрая масса, что дралась стиснувши зубы на сторонѣ коммунистовъ, дрались на самомъ дѣлѣ за свои кровные интересы и побѣдила. Въ настоящій моментъ передъ лицомъ народа нѣтъ постороннихъ внѣшнихъ враговъ и коммунистическая камарилья опредѣлилась ясно, какъ ненужная и вредная. Она отдѣлена отъ народа пропастью и нѣтъ имъ дальше попутной дороги, если коммунисты не измѣнятъ своей тактики и своей программы. Союзъ расторгается, какъ больше не нужный. Народъ предъявляетъ векселя и заставляетъ по нимъ платить.

Ленинъ и К⁰ уже капитулируютъ. Можетъ ли быть онъ хамелеономъ и перекраситься? Я думаю, что можетъ. Но приметъ ли его народъ въ другомъ цвѣтѣ? Здѣсь у меня большое сомнѣніе; ужъ очень много на немъ кровавыхъ пятенъ для представителя одной изъ самыхъ гуманныхъ націй между народами.

Дѣло до баррикадъ, до битвы между коммунистами и народомъ не дойдетъ, когда народъ объявитъ войну Ленину. Но если бы баррикады потребовались, то на сторону народа перейдетъ самая лучшая часть коммунистовъ, выдѣлившаяся изъ его нѣдръ, т. е. тѣ, которые до сихъ поръ молча на своихъ плечахъ несли народное дѣло и защищали націю. По другую сторону останутся коммунисты-фанатики, и коммунисты начетчики. Въ битвѣ имъ надѣяться не на кого, кромѣ коммуниста-хама, подобраннаго на улицѣ въ октябрѣ 1917 года, а это — сила ненадежная. Она поспѣшитъ прежде другихъ примазаться къ новой власти въ лакеи. Останутся одни наймиты, лейбъ-гвардія Ленина и Троцкаго.

Я не знаю, напримѣръ, по которую сторону баррикадъ встанетъ Калининъ. У него голосъ ломается, какъ у юноши, превращающагося въ мужчину. То онъ, пьяный отъ власти, говоритъ о гегемоніи, какъ прокуроръ Святѣйшаго Сунода,

блаженной памяти Побѣдоносцевъ. То въ рѣчахъ его звучатъ искреннія ноты любви къ трудовому народу. Но дѣло не въ Калининыхъ и Лениныхъ.

Тѣ,что дѣлаютъ революцію,—безсловесны. Была бы только увѣренность, что старое не вернется, что внѣшній врагъ не угрожаетъ, что внутренніе реставраторы утратили свою силу и вліяніе. Наша коммунистическая болѣзнь не къ смерти, а къ здоровью.

Народъ уже подготовленъ къ ниспроверженію правительства самими коммунистами. По всей странѣ мы слышимъ о возстаніяхъ и отказѣ поддерживать коммунистовъ. Первые признаки, подобные событіямъ 1905 года, уже на лицо.

Вѣдь наша Великая Мартовская Революція имѣла свою прелюдію. По старой терминологіи бастовали студенты, рабочіе устраивали стачки, желѣзнодорожники останавливали поѣзда, наборщики — выпускъ газетъ,и крестьяне начинали изгнаніе помѣщиковъ. Легкіе толчки, направленные противъ самодержавія въ 1905 году, превратились, по выраженію Ленина въ „революціонный вихрь", подорвавшій престижъ правительства и мощь престола. Но буря прошла довольно благополучно: царь отдѣлался легкими уступками и далъ народу „поиграть въ парламентскую игру". Кадеты были чрезвычайно довольны, великій же революціонныхъ дѣлъ мастеръ по французскому рецепту Ленинъ разразился противъ кадетъ въ 1907 г. филиппикой, цитируемой мною ниже.

Послѣ всѣхъ тѣхъ событій, которыя произошли за послѣднее время, въ Россіи, выплывшіе на поверхность въ октябрѣ 1917 года большевики должны будутъ погрузиться опять въ подполье, иначе революціонный валъ снесетъ ихъ съ поверхности. Роль коммунистовъ, какъ мы видѣли выше, ограничивалась ролью санитара, могильщика, ролью моли, пожирающей старье. „Рожденный ползать — летать не можетъ". Для созидательной работы надо имѣть въ себѣ животворящій, возрождающій геній, а не дыханіе смерти, которое исходитъ отъ Ленина съ товарищами.

Въ разрушеніи, дѣйствительно, они шли во главѣ народнаго движенія, въ возрожденіи производительныхъ силъ страны они, въ лучшемъ случаѣ, топчутся на мѣстѣ, или идутъ на поводу у западной буржуазіи, какъ въ управленіи страной — на поводу у царскихъ бюрократовъ. Въ томъ и въ другомъ

случаѣ они мечутся изъ стороны въ сторону и плетутся въ хвостѣ. Ихъ удерживаетъ у власти только законъ инерціи. Сами коммунисты чувствуютъ, что они не нужны, что они тонутъ и жадно цѣпляются за каждую соломенку, чтобы сохранить за собой власть. Подобно обанкротившемуся купцу, который до конца держитъ фасонъ богатаго человѣка въ надеждѣ словчить и выкрутиться, они разыгрываютъ твердую и сильную власть.

Коммунизмъ при смерти. Его не можетъ спасти ни челядь, исповѣдывающая коммунистическую вѣру, ни китайскіе наймиты. Послѣднія минуты поддерживаютъ его искуственно слѣдующія внѣшнія, случайныя силы: прежде всего городское и рабочее населеніе. Изъ за восьмушки хлѣба и селедочнаго хвоста на сегодняшній день, городское населеніе боится рискнуть остаться безъ власти на завтрашній. Ихъ останавливаетъ перспектива анархіи. Особенно страшно имъ кажется ниспроверженіе существующаго строя дѣлать зимой, когда нужны и дрова и картошка ежедневно, чтобы не замерзнуть и не умереть съ голоду.

Затѣмъ коммунистовъ поддерживаютъ инородцы и перебѣжчики изъ монархическаго и бюрократическаго лагеря. Чѣмъ Ленинъ не монархъ, а Троцкій не фельдмаршалъ? Имперіалистамъ казалось, что эти государственные геніи дадутъ Россіи не только Польшу, но Индію и Босфоръ, а Персія была уже не журавлемъ въ небѣ, а синицей въ рукахъ. Эти элементы, связавшіе свою судьбу съ Ленинымъ, наряду съ обломками разоренной буржуазіи, боятся утратить свое привилегированное положеніе и пайки, боятся презрѣнія и, быть можетъ, мести будущаго, неизвѣстнаго правительства.

Кромѣ Врангеля, съ его арміей и Національнымъ Центромъ, также поддерживающими живой трупъ Россійскаго Правительства, есть еще сила, которая только теперь открыто встала на сторону Ленина въ интересахъ наилучшаго использованія русскихъ богатствъ. Эта сила—иностранная, наши сосѣди, большіе и малые народы, въ лицѣ ихъ правительствъ.

У постели больного умирающаго Ленинскаго правительства собираются сосѣди, которымъ онъ грозилъ міровой и международной революціей, пока былъ здоровъ. Забыты всѣ оскорбленія и вся злоба.

Первая пришла Англія. Ллойдъ-Джорджъ, со свойствен-

ной бритту обходительностью, сталъ обхаживать правительство Ленина. Онъ уже успѣлъ наговорить Ленину кучу комплиментовъ, назвалъ его умницей, дѣловымъ, его рѣчи въ назиданіе англійскому пролетаріату приказалъ перевести на англійскій языкъ и широко распространить между рабочими. Англія готова признать Ленина, только бы духовное завѣщаніе онъ составилъ въ ея пользу. Великія и малыя державы также спѣшатъ къ постели больного. Польша беретъ себѣ Бѣлоруссію, съ соотвѣтствующимъ приданымъ въ 30 милліоновъ серебренниковъ золотомъ, Финляндія—морской портъ на Ледовитомъ океанѣ, Печеньгу и т. д.

Всѣ великіе дипломаты начинаютъ признавать геній Ленина и его добрую душу. Ленинъ все готовъ отдать, золото, лѣса, горныя богатства и нефть, готовъ своихъ вѣрноподданныхъ, рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ вмѣстѣ съ коммунистами предоставить въ распоряженіе концессіонеровъ, съ тѣмъ, чтобы они русскій народъ превратили въ быдло, въ бѣлыхъ негритосовъ, въ рабовъ для Вандерлиповъ и компаніи. Ленинъ—лучше чѣмъ императоръ. Правительство Ленина надо признать. Такъ говорятъ теперь въ Англіи.

Вся эта, извините за выраженіе, Ленинская проституція развѣ не показываетъ слабости его правительства?

Самъ же Ленинъ направо и налѣво кланяется и имперіалистамъ и буржуазіи и въ нихъ однихъ онъ видитъ свое спасеніе. Онъ будетъ радъ теперь заключить договоръ съ Франціей, уплатить ей всѣ долги съ процентами, только бы признали.

Единственной силой, всегда враждебной правительству Ленина, остается крестьянское населеніе. Теперь крестьянства 85%, оно, какъ здоровое, растетъ и на Николая и на Ленина. При Ленинѣ увеличивается не только своимъ естественнымъ приростомъ, но и за счетъ городского и фабрично-заводскаго населенія. Около 5-ти милліоновъ сбѣжало за послѣдніе годы изъ подъ комиссарскаго ленинскаго крылышка въ деревню къ самому заматорѣлому врагу Ленина—деревенскому мужику.

Но эта сила—распылена, на активныя дѣйствія неспособна. Она молчаливо беретъ коммунистовъ мертвой сапой, медленно, но вѣрно. Мы уже видѣли, какъ за послѣдніе три года гордая головка Ленина все ниже и ниже склоняется пе-

редъ всемогущимъ мужикомъ. Въ началѣ своего царствованія онъ разыгривалъ Салтычиху. — „Ножкой топъ, ручкой хлопъ", грозилъ огнемъ и мечомъ, пробовалъ брать за горло, посылалъ всѣ 12 коммунистическихъ каръ на деревню, а теперь уже шаркаетъ ножкой, дѣлаетъ глазки деревенской мелкобуржуазной Матренѣ.

Хотя крестьянская сила и распылена, она способна въ одинъ мигъ вычистить всѣхъ коммунистовъ по всему лицу земли русской, когда для этого подадутъ сигналъ изъ города рабочіе и красноармейцы. Большевизмъ уже изжилъ себя и теперь умѣстенъ также другой волнующій насъ вопросъ: когда и какъ свалятся большевики? Я не пророкъ и на установку даты не претендую. Есть всѣ данныя полагать, что они уже свалились и только инерція слегка поддерживаетъ ихъ, да искусственное впрыскиваніе камфоры со стороны иностранныхъ правительствъ. Всѣ рецепты Бакунина, Крапоткина, самого Ленина и другихъ спеціалистовъ по революціонной части, не противорѣчатъ другъ другу. Я позволю себѣ привести большую цитату изъ коммунистическаго Интернаціонала №14, годъ 2-й (царствованія Ленина?), начиная съ 2692-й стр. — единственное произведеніе Ленина, которое я читалъ.

Въ немъ Ленинъ поучаетъ проф. Кизеветтера и Бланка, да и самъ можетъ поучиться по моимъ вставкамъ, что такое диктатура, что такое революція и какъ бороться съ ненавистнымъ, сквернымъ правительствомъ. Мои добавленія немногословны и набраны другимъ шрифтомъ, не въ примѣръ лѣтописцамъ, смѣшивавшимъ свои замѣчанія и соображенія съ переписываемыми рукописями. Особенно прошу обратить вниманіе на то, что у Ленина — двѣ морали. Одна — для кадетъ, другая для коммунистовъ.

„Въ чемъ состояло главное отличіе періода революціонаго вихря (1905 г.) отъ теперешняго „кадетскаго" періода съ точки зрѣнія различныхъ пріемовъ политической дѣятельности, съ точки зрѣнія различныхъ методовъ историческаго творчества періода.

Прежде всего и главнымъ образомъ—въ томъ, что въ періодѣ „вихря" примѣнялись нѣкоторые особые методы этого творчества, чуждые инымъ періодамъ политической жизни. Вотъ наиболѣе существенные изъ этихъ методовъ: 1. Захватъ народомъ политической свободы, — осуществленіе ея,

безъ всякихъ правъ и законовъ и безъ всякихъ ограниченій (свобода собраній, хотя бы въ университетахъ, свобода печати, союзовъ, съѣздовъ и т. д.); 2. Созданіе новыхъ органовъ революціонной власти—совѣта рабочихъ, солдатскихъ и желѣзнодорожныхъ и крестьянскихъ депутатовъ, новыя сельскія и городскія власти и пр. и пр. Эти органы создались исключительно революціонными слоями населенія, они создавались внѣ всякихъ законовъ и нормъ чисто революціоннымъ путемъ, какъ продукты самобытнаго народнаго творчества, какъ выраженіе самодѣятельности народа, избавившагося, или избавляющагося отъ старыхъ полицейскихъ путъ *и новыхъ коммунистическихъ чрезвычаекъ*. Это были, наконецъ, именно органы власти, несмотря на всю ихъ зачаточность, стихійность, неоформенность, расплывчатость въ составѣ и функціонированіи. Они дѣйствовали, какъ власть, захватывая напримѣръ, типографіи, (Петербургъ), арестовывая чиновъ полиціи, препятствовавшихъ революціонному народу осуществлять свои права, (примѣръ былъ также въ Петроградѣ, гдѣ соотвѣтствующій органъ новой власти былъ наиболѣе слабъ, а старая власть наиболѣе сильна). Они дѣйствовали, какъ власть, обращаясь ко всему народу съ призывомъ не давать денегъ старому правительству. Они конфисковали деньги стараго правительства, (Желѣзнодорожный стачечный комитетъ на Югѣ) и обращали ихъ на нужды новаго народнаго правительства,—да,—это были, несомнѣнно зародыши новаго, народнаго правительства,—да, или, если хотите, революціоннаго правительства. По своему соціально-политическому характеру это была въ зачаткѣ диктатура революціонныхъ элементовъ народа. Вы удивляетесь, гг. Бланкъ и Кизеветтеръ? Вы не видите даже здѣсь усиленной охраны, равнозначущей для буржуа диктатурѣ.

Мы уже говорили Вамъ, что Вы не имѣете никакого представленія о научномъ понятіи „диктатура“. Мы сейчасъ объяснимъ Вамъ его, но сначала укажемъ третій „методъ“ дѣйствія эпохи революціоннаго „вихря“. Примѣненія народомъ насилія по отношенію къ насильникамъ надъ народомъ. Описанные нами органы власти были въ зародышѣ диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, отъ кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, внѣзаконная, опираю-

щаяся на силу, въ самомъ прямомъ смыслѣ слова, власть,—это и есть диктатура.

Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченною горсткой военныхъ *или коммунистовъ,* не силой участка *или чека,* не силой денегъ, *даже германскихъ,* не силой какихъ бы то ни было прежнихъ *или большевистскихъ* установившихся учрежденій. Ничего подобнаго. Ни оружія, ни денегъ, ни старыхъ учрежденій у новыхъ органовъ новой власти не было. Ихъ сила, можете себѣ представить, гг. Бланкъ и Кизеветтеръ, *гг. Ленинъ и Троцкій*—ничего не имѣла общаго съ старымъ орудіемъ силы, ничего общаго съ „усиленной охраной" *или „вохрой"*, если не имѣть въ виду усиленной охраны народа отъ угнетенія его полицейскими *или коммунистическими* и другими органами старой *и новой* власти. На что же опиралась эта сила. Она опиралась на народную массу. Вотъ основное отличіе этой новой власти отъ всѣхъ прежнихъ органовъ старой *и коммунистической* власти. Та (*коммунистическая, какъ* и *царская*) была органомъ власти меньшинства надъ народомъ, надъ массой рабочихъ и крестьянъ. Эта была органъ власти народа, рабочихъ и крестьянъ надъ меньшинствомъ, надъ горсткой полицейскихъ насильниковъ *и чекистовъ*, надъ кучкой привиллегированныхъ крестьянъ и чиновниковъ. Таково отличіе диктатуръ надъ народомъ отъ диктатуры революціоннаго народа, запомните это хорошенько, гг. Бланкъ и Кизеветтеръ, *гг. Ленинъ и Троцкій*. Старая власть *царская, какъ и новая, Ленинская,* какъ диктатура меньшинства, могла держаться исключительно при помощи полицейскихъ и *„чрезвычайныхъ"* ухищреній *и террора,* исключительно при помощи удаленія, отстраненія народной массы отъ участія во власти, отъ наблюденія за властью. Старая власть *царя и новая—Ленина* систематически не довѣряла массѣ, боялась свѣта, держалась обманомъ. Новая власть, какъ диктатура огромнаго большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи довѣрія огромной массы, исключительно тѣмъ, что привлекала самымъ свободнымъ, самымъ широкимъ и самымъ смѣлымъ образомъ всю массу къ участію въ власти. Ничего скрытаго, ничего тайнаго, никакихъ регламентовъ, никакихъ формальностей. Ты—рабочій? Ты хочешь бороться за избавленіе Россіи отъ горстки поли-

цейскихъ насильниковъ? Ты—нашъ товарищъ. Выбирай своего депутата сейчасъ же, немедленно; выбирай, какъ считаешь удобнымъ,—мы охотно и радостно примемъ его въ полноправные члены нашего Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, крестьянскаго Комитета, Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ и т. д. Это—власть, открытая для всѣхъ, дѣлающая все на виду у массы, доступная массѣ, исходящая непосредственно отъ массы, прямой и непосредственный органъ народной массы и ея воли. *Осуществляете ли вы, г. Ленинъ, все это?* Такова была новая власть, или, вѣрнѣе, ея зачатки, ибо побѣда старой власти, *а также и вашей гг. Ленинъ и Троцкій,* затоптала побѣги молодого растенія очень рано. Вы спросите, можетъ быть, г. Бланкъ и г. Кизеветтеръ,—зачѣмъ же тутъ диктатура, зачѣмъ насиліе? Развѣ же огромная масса нуждается въ насиліи противъ горстки, развѣ десятки, сотни милліоновъ могутъ быть диктаторами надъ тысячей, надъ десяткомъ тысячъ? Этотъ вопросъ обычно задаютъ люди, первый разъ увидавшіе принципъ диктатуры въ новомъ для нихъ значеніи. Люди привыкли видѣть только полицейскую власть, и только полицейскую диктатуру, *а Вы пріучаете ихъ къ диктатурѣ чрезвычаекъ, г. Ленинъ?* Имъ страннымъ кажется, что можетъ быть власть безъ всякой полиціи. Можетъ быть диктатура не полицейская. Вы говорите, что милліонамъ не нужно насилія противъ тысячъ? Вы ошибаетесь и ошибаетесь оттого, что разсматриваете явленіе не въ его развитіи. Вы забываете, что новая власть не съ неба сваливается, а вырастаетъ, возникаетъ наряду со старой, противъ старой власти, въ борьбѣ противъ нея, безъ насилія по отношенію къ насильникамъ, имѣющимъ въ рукахъ орудія и органъ власти нельзя избавить народъ отъ насильниковъ. Вотъ Вамъ простѣйшій примѣрчикъ, г. Бланкъ и г. Кизеветтеръ, *гг. Ленинъ и Троцкій,* чтобы Вы могли усвоить своимъ кадетскимъ *и коммунистическимъ* разумомъ головокружительную для кадетской *и большевистской* мысли премудрость. Представьте себѣ, что Абрамовъ *или коммунистъ Петерсъ* изувѣчилъ и истязуетъ Спиридонову: (Спиридонова—извѣстная революціонерка,—нынѣ — лѣвая эсъ-эрка, подверглась въ 1905 году звѣрскимъ истязаніямъ полицейскаго Абрамова.) (*А въ 1918-19 г. подвергалась истязаніямъ г. Ленина*).

На сторонѣ Спиридоновой, допустимъ, есть десятки и

сотни невооруженныхъ людей, на сторонѣ Абрамова — горстка казаковъ, *на сторонѣ Петерса — горстка вохристовъ*. Что сдѣлалъ бы народъ, если бы истязанія Спиридоновой происходили бы не въ застѣнкѣ? Онъ примѣнилъ бы насиліе по отношенію къ Абрамову *или Петерсу* и его свитѣ. Онъ пожертвовалъ бы, можетъ быть, нѣсколькими борцами, застрѣленными Абрамовымъ *или Петерсомъ*, но силой всетаки обезоружилъ бы Абрамова и казаковъ, *Петерса и вохристовъ*, причемъ очень вѣроятно, убилъ бы на мѣстѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ, съ позволенія сказать, людей, а остальныхъ засадилъ бы въ какую нибудь тюрьму, чтобы помѣшать имъ безобразничать дальше, и чтобы отдать ихъ на народный судъ.

Вотъ видите, гг. Бланкъ и Кизеветтеръ, *г.г. Ленинъ и Троцкій*: когда Абрамовъ съ казаками *и Петерсъ съ чекистами* истязаютъ Спиридонову, это есть военно-политическая диктатура надъ народомъ. Когда революціонный, (способный на борьбу съ насильниками, а не только на увѣщанія, назиданія, сожалѣнія, осужденія, хныканье, и нытье, не мѣщански ограниченный, а революціонный) народъ проявляетъ насиліе къ Абрамову и Абрамовымъ, *къ Дзержинскому и Дзержинскимъ* — это есть диктатура революціоннаго народа. Это есть диктатура, ибо это есть власть народа надъ Абрамовыми *и Петерсами* власть, не ограниченная никакими законами (мѣщане *и коммунисты*, пожалуй, были бы противъ того, чтобы силой отбить Спиридонову отъ Абрамова и Петерса: дескать не „по закону, *не по декрету*“ это. Есть ли у насъ такой законъ, чтобы убивать Абрамова *или декретъ, чтобы убивать Петерса?* Не создали ли нѣкоторые идеологи мѣщанства *и коммунизма* теоріи непротивленія злу насиліемъ?) Научная позиція диктатуры означаетъ ни что иное, какъ ничѣмъ не ограниченную, никакими законами, никакими обязательными правилами, нестѣсненную непосредственно, на насиліе опирающуюся власть. Ни что иное, какъ это, означаетъ понятіе „диктатура,“ — запомните хорошенько, господа кадеты *и гг. коммунисты*. Даже во взятомъ нами примѣрѣ мы видѣли диктатуру именно народа; масса населенія, неоформленная, случайно собравшаяся въ данномъ мѣстѣ, сама и непосредственно выступаетъ на сцену, сама чинитъ судъ и расправу, примѣняетъ власть, творитъ новое революціонное право. Наконецъ, это есть диктатура именно революціоннаго народа. Почему только революціоннаго, а не всего народа? По-

тому, что во всемъ народѣ, страдающемъ постоянно и самымъ жестокимъ образомъ отъ подвиговъ Абрамовыхъ *и Петерсовъ*, есть люди, забитые физически, запуганные люди, забитые нравственно, напримѣръ теоріей о непротивленіи злу, насиліемъ, или просто забитые не теоріей, а предразсудкомъ, обычаемъ, рутиной, люди равнодушные, то, что называется обывателемъ, мѣщане, которые способны отстраниться отъ острой борьбы, пройти мимо, или даже спрятаться, (какъ бы въ дракѣ то не влетѣло?). Вотъ почему диктатуру осуществлятъ не весь народъ, а только революціонный народъ, нисколько не боящійся, однако, всего народа, открывающій всему народу причины своихъ дѣйствій, и всѣ подробности ихъ, привлекающій охотно весь народъ къ участію не только въ управленіи государствомъ, но и къ власти и къ участію въ самомъ устройствѣ государства.

Такимъ образомъ, взятый нами простой примѣръ содержитъ въ себѣ всѣ элементы научнаго понятія „Диктатура революціоннаго народа", а также понятіе: „военно-полицейская диктатура" *и военно-коммунистическая диктатура.*"

Вотъ этого простого примѣра достаточно даже ученому кадету-профессору *и высокопоставленному сановнику-коммунисту*, и мы можемъ перейти къ болѣе сложнымъ явленіямъ общественной жизни.

Революція въ узкомъ, непосредственномъ значеніи этого слова, есть именно такой періодъ народной жизни, когда вѣками накопившаяся злоба на подвиги Абрамовыхъ *и Петерсовъ* прорывается наружу въ дѣйствіяхъ, а не въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ милліоновъ народныхъ массъ, а не отдѣльныхъ лицъ. Народъ просыпается и поднимается для освобожденія себя отъ Абрамовыхъ *и Петерсовъ*. Народъ избавляетъ безчисленныхъ Спиридоновыхъ русской жизни отъ Абрамовыхъ *и Петерсовъ*, примѣняетъ насиліе къ Абрамовымъ *и Петерсамъ*, беретъ власть надъ Абрамовыми *и Петерсами*. Это происходитъ не такъ просто и не такъ „сразу", какъ въ примѣрѣ, упрощенномъ нами для г. профессора Кизеветтера *и премьеръ-комиссара Ленина*, это борьба народа съ Абрамовыми *и Петерсами*, борьба въ узкомъ, непосредственномъ смыслѣ, это сбрасываніе съ народа Абрамовыхъ *и Петерсовъ* растягивается на мѣсяцы и годы „революціоннаго вихря". Это сбрасываніе, если разсмотрѣть его со стороны методовъ, историческаго творчества, происхо-

дить въ тѣхъ формахъ, которыя мы сейчасъ только описывали, говоря о революціонномъ вихрѣ, именно захватѣ народомъ свободы политической, т. е. такой свободы, осуществленію которой препятствовали Абрамовы *и Петерсы*; созданіе народомъ новой, революціонной власти, власти надъ Абрамовыми *и Петерсами*, власти надъ насильниками стараго полицейскаго *и новаго коммунистическаго* уклада; примѣненіе народомъ насилія по отношенію Абрамовыхъ *и Петерсовъ* для устрашенія, обезоруженія и обезвреживанія этихъ дикихъ собакъ, всѣхъ Абрамовыхъ, Дурново, Дубасовыхъ, Миновъ, *Лацисовъ, Дзержинскихъ, Петерсовъ, Кедровыхъ* и прочихъ, тому подобныхъ.*)

Хорошо ли это, что народъ примѣняетъ такіе незаконные и неупорядоченные, непланомѣрные, несистематическіе пріемы борьбы, какъ захватъ свободы, созданіе новой, формально никѣмъ не признанной и революціонной власти, примѣняетъ насиліе надъ угнетателями народа?

Да, это очень хорошо. Это — высшее проявленіе народной борьбы за свободу. Это — та великая пора, когда мечты лучшихъ людей о Россіи, о свободѣ, претворяются въ дѣло; дѣло самихъ народныхъ массъ, а не одиночекъ-героевъ. Это такъ же хорошо, какъ хорошо освобожденіе толпой (въ нашемъ примѣрѣ) Спиридоновой отъ Абрамова *и Петерса* насильственное разоруженіе и обезвреживаніе Абрамова *и Дзержинскаго*.

Но вотъ тутъ то и подходимъ мы къ центральному пункту кадетскихъ скрытыхъ мыслей и опасеній. Кадетъ потому и является идеаломъ мѣщанства, что онъ на политику, на освобожденіе народа, на революцію переноситъ точку зрѣнія того обывателя, который въ нашемъ примѣрѣ истязанія Абрамовымъ *и Петерсомъ* Спиридоновой, удерживалъ бы толпу, совѣтовалъ бы ей не нарушать закона, не торопиться съ освобожденіемъ жертвы изъ рукъ палача, дѣйствующаго отъ имени законной власти. Конечно, въ нашемъ примѣрѣ такой обыватель былъ бы прямо нравственнымъ уродомъ, а въ примѣненіи ко всей общественной жизни нравственное уродство мѣщанства есть качество повторяемое, совсѣмъ не личное, а соціальное, обусловленное, можетъ быть, крѣпко засѣвшимъ въ

*) Слуги царя, звѣрски подавлявшіе революцію въ 1905 - 1906 г. г. и слуги Ленина, звѣрски подавляющіе революцію 1917 - 1918 г.г.

голову предразсудкомъ буржуазно-филистерской *и коммунистической* науки о правѣ."(2697 стр. Коммун. Интернаціонала). ..."Когда непосредственное движеніе массъ придавлено разстрѣлами, порками, безработицей и голодовкой, когда вылѣзаютъ изъ щелей клопы, содержимые на Дубасовскія и *Ленинскія* деньги профессорской *и пролеткультской* науки, и начинаютъ вершить дѣла за народъ отъ имени массъ, продавая и предавая ихъ интересы горстями привиллегированнымъ,—тогда рыцарямъ мѣщанства *и коммунизма* кажется, что наступила эпоха успокоеннаго и спокойнаго прогресса, наступила очередь мыслей и разума, *очередь коммунистическаго рая и всемірной революціи.*"(2700 стр. Коммунистич. Интернаціонала.)

Такъ писалъ Великій Хамелеонъ въ 1907 году и по недосмотру своей цензуры перепечаталъ въ „Интернаціоналѣ" въ 1920 году. Чтобы свалить коммунистовъ, очевидно, нужна новая революція. Это понятно и ясно вытекаетъ изъ приведеннаго мною произведенія самого Ленина. Но Ленинымъ я кончить не могу. Слишкомъ тяжелое впечатлѣніе остается отъ прочтенія его отрывка. Какъ люди мѣняются, когда они сами становятся у власти! Не даромъ у насъ мужики говорятъ, что нѣтъ хуже начальника, какъ изъ своего же брата мужика. Нѣтъ болѣе тяжелаго деспота, чѣмъ революціонеръ Ленинъ.

Разрѣшите закончить призывомъ Бакунина, этой свѣтлой, незапятнанной личности, раздавшимся болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ,—призывомъ, который долженъ стать для насъ, тоскующихъ по Родинѣ, заповѣдью:

„А мы, друзья, вѣрующіе въ русскій народъ, пойдемъ впередъ дружно и смѣло, вѣрные ему до конца, и не остановимся ни передъ какими угрозами, ни передъ какими препятствіями, ни даже передъ всеподавляющимъ равнодушіемъ, которое мы встрѣчаемъ на нашей стезѣ. Не предаваясь унынію, и не обольщая себя пустыми надеждами, съ терпѣніемъ, безъ честолюбія, исполнимъ свое скромное и необходимое дѣло. Мы должны очистить дорогу передъ ВЕЛИКИМЪ ПРИЗВАННИКОМЪ: да приблизится часъ его торжества, и тогда да будетъ его воля!"

Лондонъ.

Январь 1921 года.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

Того-же автора

книга

Русская кооперація и коммунисты.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
Русскаго Книжнаго Магазина Н. Н. Макарова въ Лондонѣ.
18, Bury street, London, W. C. 1.

Biblioteca
Gratuita
ANTIGA ESCOLA